ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1881

ГОДЪ ВЪ АМЕРИКѢ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЖЕНЩИНЫ-МЕДИКА.

ГЛАВА ВТОРАЯ *).

I. Бостонъ и женскій госпиталь.

Бостонъ болѣе похожъ на европейскій городъ нежели Филадельфія. Улицы его не всѣ пересѣкаются подъ прямымъ угломъ; красныхъ кирпичныхъ домовъ тоже меньше. Городъ очень великъ — не меньше Филадельфіи — и все еще застроивается по окраинамъ, захватывая даже самый океанъ, при помощи искусственныхъ насыпей; знакомыя мнѣ молодыя дѣвушки разсказывали мнѣ, что теперь живутъ тамъ, гдѣ въ дѣтствѣ зимою катались на写 конькахъ. Предмѣстья Бостона гористы; дома ихъ строятся на скалахъ или окружены скалами, покрытыми плющемъ и дикимъ виноградникомъ въ перемежку съ красными кедрами. По-моему, дерево это вовсе не красиво, точно полузасохшій въ длину вытянувшійся можжевельникъ. Но группа этихъ печальныхъ деревьевъ, на сѣрой гранитной скалѣ, съ которой свѣшивается яркозеленый плющъ, дикій виноградникъ и густые кусты низкаго шиповника съ красными, розовыми и бѣлыми цвѣтами — необыкновенно живописна.

«New England Hospital» стоитъ за городомъ въ высокой мѣстности, изобилующей скалами, покрытыми ихъ естественнымъ украшеніемъ. Передъ госпиталемъ большая поляна, отдѣленная отъ него проѣзжею дорогою. За поляною безконечные сады,

---

*) См. выше: августъ, 621 стр.

сады и поля, покато спускающіеся къ синѣющему вдали океану. Къ западу взгромоздились уже совсѣмъ голыя, дикія скалы, между которыми копошится народъ, работающій въ находящейся тутъ каменоломнѣ. Съ восточной стороны госпиталя низкая долина съ рѣчкой, топкіе берега которой обросли древними ивами. Однимъ словомъ, мѣстность такая хорошая, какую вообще не часто встрѣтишь.

Я въ первый разъ свободно вздохнула, когда мы, послѣ пыльныхъ улицъ города, тряски конки, тысячи разспросовъ о томъ, какъ попасть куда намъ нужно, наконецъ высадились въ «Cadman Avenue», около каменоломни, и намъ было указано, гдѣ пройти къ госпиталю. На углу боковой улички, куда мы должны были свернуть, стоялъ столбъ съ надписью: «Private way, dangerous passing» (частная дорога, проходъ по ней опасенъ). Я хотѣла-было уже повернуть назадъ, но миссъ Монро объяснила мнѣ, что никакой опасности нѣтъ и что надпись значитъ, что городъ не беретъ на себя отвѣтственности, если на этой дорогѣ сломается экипажъ, что дорога эта принадлежитъ частному собственнику, городъ не отвѣчаетъ за ея исправность. Такихъ дорогъ и проѣздовъ много и въ центрѣ городовъ, гдѣ они представляютъ переулки и проходы подъ названіями: «passages» «courts» и т. п.

Дорога дѣйствительно оказалась безопасной для насъ, но въ то же время отвратительной: она состояла изъ глины и камней и вся была изрыта колеями; въ пріятностяхъ ея я убѣдилась тяжелымъ опытомъ позднѣе, когда мнѣ пришлось днемъ и ночью и во всякую погоду ходить къ больнымъ на домъ.

Но вотъ и госпиталь передъ нами: напротивъ него цвѣтущая поляна и море зелени подъ холмомъ, а дальше видно синее море и въ сторонѣ верхушки туманныхъ холмовъ «Blue-hills», незамѣтно сливающіяся съ облаками и небомъ.

Зданіе ново-англійскаго госпиталя построено въ чисто-американскомъ готическо-романтическомъ стилѣ. Это большой четырехъ-угольникъ изъ темно-краснаго кирпича съ бурыми разводами; къ нему прилѣплены по четыремъ угламъ круглыя башни съ узкими готическими окнами и коническими крышами изъ толя. Входная дверь вела на лѣстницу, ничѣмъ не отдѣленную отъ широкаго корридора, разрѣзавшаго все зданіе на двѣ равныя половины. Насъ встрѣтили при входѣ какія-то сновавшія взадъ и впередъ по корридору женщины и куда-то повели. Я мало понимала, чтò они говорили, несмотря на то, что, какъ упоминала уже, сносно знала по-англійски. Нужно правду сказать, что американцы непріятно говорятъ: они употребляютъ множество чисто

мѣстныхъ выраженій, глотаютъ не только слоги, но иногда цѣлыя слова, пришепетываютъ и въ то же время тянутъ въ носъ; голосъ ихъ вообще рѣзокъ и рѣжетъ ухо, привыкшее къ музыкальности голоса славянскихъ племенъ. Теперь, однако, я такъ привыкла къ ихъ нарѣчію, что чистый англійскій говоръ кажется мнѣ аффектированнымъ. Вообще англо-саксонское племя не одарено отъ природы пріятнымъ голосомъ; мнѣ сами англичане говорили, что въ Англіи голосъ, не рѣжущій ухо въ разговорѣ, есть уже признакъ хорошаго воспитанія и пріобрѣтается искусственно.

Насъ провели въ комнату домашняго врача—мистриссъ Феррисъ, занимавшей это мѣсто «per interim». Она очень мило насъ встрѣтила, хотя знала, что миссъ Монро надѣется замѣстить ее. Вошли еще двѣ-три какія-то дамы. Здѣсь, въ госпиталѣ, меня удивили американскіе женскіе костюмы. Въ Филадельфіи замѣчается большая простота въ одеждѣ, такъ-какъ тамъ по преимуществу живутъ квэкеры. Въ Швейцаріи женщины тоже просто одѣваются, объ учащихся-же нѣмецкихъ и русскихъ женщинахъ можно сказать, что онѣ одѣты и причесаны еще проще швейцарокъ. Къ этому всему я и привыкла за послѣдніе годы. Въ ново-англійскомъ госпиталѣ меня поразило неимовѣрное количество фестончиковъ и бантиковъ; прическа доктора Феррисъ состояла изъ безчисленнаго множества локоновъ, взгроможденныхъ одинъ надъ другимъ по всѣмъ направленіямъ. При этомъ докторъ Феррисъ обладала немолодымъ уже сѣроватымъ лицомъ и такою тонкою талію, что того и гляди она переломится надвое. Вообще я замѣтила, что большинство американокъ худы, блѣдны и некрасивы, что не мѣшаетъ встрѣчать между ними иногда очень интеллигентныя и привлекательныя лица. Замѣчательно еще и то, что я тамъ видѣла больше красивыхъ стариковъ и старухъ, нежели молодыхъ людей. Большинство американскихъ женщинъ наряжается на пропалую, придерживаясь въ одеждѣ извѣстной шаблонности сомнительнаго вкуса. Привычка къ приторной любезности и сладко-вѣжливымъ пріемамъ особенно непріятна въ нихъ, какъ и напускное мальчишество или наивность — своего рода кокетство, которое я не разъ подмѣчала, даже у немолодыхъ американокъ.

Докторши и студентки, съ которыми я болѣе всего имѣла дѣла въ Америкѣ, представляютъ самую серьёзную часть женскаго общества. Но и между ними истинно серьёзныя женщины съ вполнѣ логическимъ ходомъ мысли и, на самомъ дѣлѣ, глубокимъ и разностороннимъ образованіемъ — рѣдкость. Всѣ

американки очень опрятны; всѣ, или бо́льшая часть, каждое воскресенье ходятъ въ церковь и на каждомъ словѣ цитируютъ библію. Зато у нихъ есть одно незамѣнимое достоинство — они боятся лжи, и рѣдко лгутъ. Вообще впечатлѣніе, которое производили на меня американки, нельзя назвать особенно хорошимъ, хотя я не могу не сознаться, что въ общемъ нравственный и умственный уровень ихъ выше, чѣмъ у женщины европейской. Стремленія ихъ, какъ «женщинъ», взятыхъ въ совокупности, тоже выше, и достигаемые ими результаты на поприщѣ благотворительности, напримѣръ, положительно изумительны. Въ области педагогической дѣятельности онѣ трудятся далеко не безплодно; также точно и въ отношеніи завоеванія человѣческихъ правъ для женщины, какъ гражданки въ современномъ обществѣ. А между тѣмъ, при сравненіи съ русскими женщинами, особенно съ тѣми изъ нихъ, съ которыми во время моего студенчества я была особенно близка за послѣднее время, американки, отдѣльно взятыя, по общему образованію далеко имъ уступали...

Квартира домашняго врача въ ново-англійскомъ госпиталѣ имѣла запустѣлый и унылый видъ. Все глядѣло такъ, какъ будто хозяйка только-что пріѣхала и не успѣла еще разобраться. Потомъ мнѣ сказали, что комнаты были оставлены точь-въ точь въ такомъ видѣ, въ какомъ были послѣ отъѣзда Сюзанны Димокъ. Это было сдѣлано изъ уваженія къ ея старушкѣ матери, пока еще остававшейся въ госпиталѣ.

Докторъ Феррисъ, сказавъ намъ нѣсколько словъ привѣта, должна была уйти для исполненія своихъ обязанностей; мы оставались одни въ теченіе почти двухъ часовъ. Отъ нечего дѣлать я принялась разсматривать убранство комнаты. Мебели въ ней было очень мало: двѣ-три качалки (racking chairs), въ одномъ углу шкапъ съ книгами, въ другомъ конторка для письма, въ двухъ остальныхъ этажерки съ бездѣлушками, между которыми самое видное мѣсто занимали морскія раковины и какія-то птичьи гнѣзда. По какому-то случаю на окнахъ были кисейныя занавѣси, — обыкновенно американцы считаютъ драпировку оконъ роскошью и довольствуются сторами или жалузи. Занавѣси были разукрашены приколотыми къ нимъ гирляндами засушенныхъ папоротниковъ и разноцвѣтныхъ древесныхъ листьевъ—зеленаго, краснаго, коричневаго, желтаго и бѣлаго цвѣта. Я нигдѣ не видѣла такого разнообразія цвѣтовъ, какъ въ начинающихъ осенью блекнуть американскихъ лѣсахъ. Стоитъ скользнуть по нимъ косому солнечному лучу, и вамъ кажется, что передъ вами играютъ и переливаются тысячью оттѣнковъ изумруды, яхонты,

топазы, однимъ словомъ, вы видите что-то волшебное. Эти листья собираютъ, сушатъ и украшаютъ ими жилища до весны, когда замѣняютъ живыми растеніями. Ни одного дома вы не увидите безъ цвѣтовъ весною и лѣтомъ и безъ засушенныхъ растеній зимою. И здѣсь на каминѣ въ вазахъ стояли сухіе папоротники вмѣстѣ съ какими-то травами, похожими на перья марабу, и сухими разноцвѣтными листьями. Этого рода украшенія производятъ съ непривычки не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе—точно забыли выбросить засохшій букетъ; впослѣдствіи это стало нравиться и мнѣ. По стѣнамъ комнаты висѣло нѣсколько красивыхъ хромолитографій — по одной на каждую стѣну; рамки картинъ были увѣшаны длиннымъ сѣдымъ мохомъ. Американцы зовутъ его «Southern moss» (южный мохъ), латинское названіе его — «Tillaadsia». Онъ привозится изъ Флориды, гдѣ имъ закутаны всѣ деревья, что придаетъ имъ видъ угрюмыхъ, обросшихъ длинными сѣдыми бородами стариковъ. Растеніе чужеядное и можетъ долго жить, оторванное отъ вскормившаго его дерева, питаясь водою и воздухомъ; оно даже цвѣтетъ, повѣшенное гдѣ-нибудь въ комнатѣ, только его нужно иногда вспрыскивать водою. Цвѣты его впрочемъ не красивы. Говорятъ, что южный мохъ особенно живучъ тамъ, гдѣ есть болотные міазмы, поглощая которые онъ дѣлаетъ цѣлыя мѣстности обитаемыми.

Пока я разсматривала странное для меня убранство парлора, въ комнату входили разныя женщины, хлопотали, толковали и опять уходили, не обращая на насъ съ миссъ Монро никакого вниманія. Наконецъ, насъ увели, чтобы указать намъ наши комнаты. Моей путеводительницей была невысокаго роста краснощекая блондинка, которая объявила мнѣ, что она «student», что зовутъ ее Alice Bennet и что я буду жить съ нею въ комнатѣ. Она была ласкова и весела и произвела на меня очень хорошее впечатлѣніе. Затѣмъ меня повели обѣдать.

Столовая больницы оказалась очень красивой комнатой; въ ней стояло два длинныхъ чисто убранныхъ стола; на нихъ были разставлены разные «condiments» въ видѣ масла, редиски, и главное, различныхъ сой, чрезвычайно жгучихъ и ѣдкихъ. На концѣ стола находился серебряный приборъ для приготовленія чая и какао, замѣняющихъ супъ. Впрочемъ, американцы разъ или два въ недѣлю ѣдятъ супъ или супы, какъ они думаютъ; но по-моему, у нихъ существуетъ всего одинъ супъ — перцовка—такъ много въ немъ краснаго перцу. По пятницамъ въ больницѣ давали супъ и у меня иногда еще въ воскресенье жгло отъ него ротъ.

Больничный обѣдъ, поданный въ часъ, состоялъ изъ чая или какао, по желанію, потомъ жаренаго мяса, трехъ родовъ овощей, отваренныхъ въ соленой водѣ, и пуддинга. То же самое подавалось ежедневно въ теченіе всего моего пребыванія въ госпиталѣ съ тою разницею, что одинъ день давали телятину, другой баранину, или рыбу, или говядину. Пуддинги тоже мѣняли или на ихъ мѣсто давались вареные или сырые плоды. Эта свѣжая, простая пища, повидимому, должна бы была быть очень здорова, а между тѣмъ, американцы въ большинствѣ случаевъ блѣдны, худы и почти поголовно страдаютъ диспепсіей. Самыя распространенныя овощи: картофель, свѣжая, недозрѣлая кукуруза, баклажаны, «aubergine» (родъ баклажановъ — по-американски egg-plant) и сладкій картофель—бататы; баклажаны (tomato) ѣдятъ чаще всего сырыми и считаютъ ихъ настолько здоровыми, что это первый овощь, который разрѣшается выздоравливающимъ больнымъ. Изъ остальныхъ овощей распространены различные роды капусты, морковь, разныя рѣдьки и рѣпы. Сельдерей ѣдятъ сырой: хорошо обмытые молодые бѣлые черешки листьевъ ставятъ въ стаканъ передъ обѣдающимъ, который и употребляетъ его какъ «hors-d'oeuvre». Салаты мало въ ходу, ихъ замѣняютъ густымъ кисловатымъ клюковнымъ вареньемъ, которое подаютъ къ жареному мясу. Кстати о жаркомъ: одно изъ любимыхъ блюдъ въ Америкѣ—жареная индѣйка, начиненная бѣлымъ хлѣбомъ и устрицами, посыпанными тимьяномъ и перцемъ. Это ѣдятъ съ клюковнымъ вареньемъ и закусываютъ свѣжимъ сельдереемъ. Какъ ни дика можетъ показаться вся эта смѣсь, тѣмъ не менѣе вкусъ ея не дуренъ. Страненъ и совсѣмъ уже не вкусенъ «чаудерсъ»—это молочный супъ изъ рыбы и ветчины съ большимъ количествомъ перца. Зато «oyster-stew», молочный супъ изъ устрицъ, очень питательный и здоровый, на вкусъ не дуренъ. Вообще устрицы въ большомъ ходу въ Америкѣ. На каждомъ уличномъ углу въ большихъ городахъ востока вы увидите будку, гдѣ продаются устрицы. Ихъ ѣдятъ вареными, жареными и сырыми. Американцы очень любятъ всякіе сладкіе пироги—«pies». Дѣлаютъ ихъ далеко не такъ хорошо какъ въ Европѣ и изъ самыхъ странныхъ вещей: такъ, «pumpkin pie», съ тыквой; «rhubarb pie», съ вареньемъ изъ черешковъ листьевъ ревеня.

Изъ плодовъ всего распространеннѣе персики, бананы, ананасы; груши, яблоки и апельсины встрѣчаются рѣже; винограду довольно много, также кокосовъ, такъ-называемыхъ американ-

скихъ орѣховъ и грецкихъ; есть нѣсколько родовъ каштановъ и большинство ягодъ, встрѣчаемыхъ въ Европѣ.

Ѣдятъ американцы много: утромъ, когда русскій человѣкъ садится за чай или кофе, американецъ принимается за бифштексъ или ростбифъ съ овощами, заѣдаетъ это сладкими пирогами и яичницей и запиваетъ чаемъ и какао. Кофе американцы боятся, также какъ и виноградного вина; пиво пьютъ, но не женщины, за исключеніемъ низшихъ классовъ, гдѣ въ особенности старухи пьютъ все: и джинъ, и брэнди, и виски. Прибавлю, впрочемъ, что между собственно американцами пьянство рѣдко; всего болѣе предается ему наплывное изъ Европы населеніе и въ особенности ирландцы.

Обѣдаютъ обыкновенно въ часъ или два дня. Въ семь часовъ ужинаютъ также сытно, какъ завтракали и обѣдали. Во многихъ мѣстахъ часовъ въ одиннадцать утра еще закусываютъ — «luncheon» или «lunch». Что касается качества припасовъ, то оно, повидимому, не дурно, кромѣ хлѣба, который показался мнѣ изъ рукъ вонъ плохъ. Но это не въ одной Америкѣ; не знаю отъ того ли, что вообще хлѣбъ на чужбинѣ горекъ, но для меня нигдѣ не было хлѣба, который я могла бы сравнить съ русскимъ. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то хлѣбъ въ нихъ вездѣ т.-е. покупной, насколько я могла судить, тяжелъ, и не выпеченъ; въ него вездѣ, даже тамъ, гдѣ пекутъ дома, кладутъ соду, а во многихъ мѣстахъ въ механическихъ пекарняхъ не даютъ тѣсту взойти, какъ у насъ, а замѣняютъ углекислоту, развивающуюся при броженіи тѣста, искусственно вдуваемымъ воздухомъ, даже не очищенномъ, но прямо уличнымъ, наполненнымъ всѣми городскими міазмами и пылью. Не это-ли причина, почему плохи американскіе желудки?

Кромѣ стола, за которымъ обѣдала главная докторша и всѣ мы, студентки-ассистентки, въ столовой былъ еще другой — для «matron» (экономки), ея помощницы и сидѣлокъ. Онѣ обѣдали тотчасъ послѣ насъ. Рядомъ съ нашею была другая столовая для госпитальной прислуги. Подаваемая имъ пища была проще той, которая была у насъ.

Послѣ обѣда студентки повели меня осматривать госпиталь. Я должна сказать, что осталась въ совершенномъ восторгѣ отъ чистоты его и удобствъ для больныхъ. Я нигдѣ не видѣла ничего подобнаго. Ничто не имѣло того «казеннаго» вида, который въ европейскихъ госпиталяхъ наводитъ уныніе не только на больныхъ, но и на ихъ посѣтителей. То, что я увидѣла тогда и узнала впослѣдствіи объ основаніи и дѣятельности ново-англій-

скаго госпиталя, я передамъ здѣсь раньше, нежели буду описывать свой личный ежедневный опытъ госпитальной жизни.

II. Исторія госпиталя.

Въ 1859 году ново-англійская женская медицинская коллегія пригласила доктора Марію Закревскую занять въ ней каѳедру акушерства и женскихъ болѣзней. Тотчасъ по поступленіи въ число профессоровъ М. Закревская предложила комитету директоровъ коллегіи (board of directors) основать при школѣ госпиталь и клинику, гдѣ учащіяся медицинѣ женщины могли бы пріобрѣтать необходимыя для нихъ практическія знанія. Докторъ Закревская, съ которою мнѣ предстояло завтра въ первый разъ увидѣться, была прусская полька, уроженка Берлина. Она сначала занималась акушерствомъ въ берлинскомъ госпиталѣ «Charité», затѣмъ переѣхала въ Америку безъ всякихъ почти средствъ къ существованію. Сперва она перебивалась тутъ коекакъ швейною работой, но потомъ, при помощи своего недюжиннаго ума и энергіи, съумѣла добиться не только ученой степени доктора и большой медицинской практики, но и много сдѣлала для распространенія медицинскаго образованія между женщинами. Ей помогали, какъ при началѣ ея врачебной дѣятельности, такъ и при стремленіи добиться ученаго званія, сестры Блэкуэль, Елизавета и Эмилія, бывшія обѣ докторами медицины и первыми піонерами женскаго вопроса въ Америкѣ. Елизавета Блэкуэль сама учила ее по-англійски и доставила ей матеріальную возможность поступить въ женскую медицинскую коллегію въ Кливеландѣ, Огайо. Окончивъ здѣсь медицинскій курсъ, Закревская переѣхала въ Нью-Іоркъ, гдѣ приняла участіе въ трудахъ сестеръ Блэкуэль, работая подъ ихъ руководствомъ въ нью-іоркской больницѣ для приходящихъ бѣдныхъ женщинъ.

Когда комитетъ директоровъ ново-англійской коллегіи согласился основать госпиталь, Закревская взялась руководить хозяйственною частью его, и по ея иниціативѣ составился комитетъ попечителей и распорядителей; секретаремъ его была назначена миссъ Абби Мэй, о которой мнѣ еще придется упомянуть впослѣдствіи. Двѣ студентки коллегіи взялись быть помощницами Закревской.

Въ годъ основанія госпиталя было истрачено: 1,463 долл. 32 цента. Принято постоянныхъ госпитальныхъ паціентовъ 72; приходящихъ—211.

Пробывъ три года профессоромъ при коллегіи, М. Закрев-

ская покинула свою каѳедру, кажется вслѣдствіе того, что въ число учебныхъ предметовъ въ школѣ ввели гомеопатію. Вмѣстѣ съ ея уходомъ уничтожились клиническій и госпитальный отдѣлы. Вслѣдствіе этого, тѣ женщины, которыя принимали участіе въ комитетѣ попечителей госпиталя, а также часть интеллигентнаго бостонскаго общества, находя, что госпиталь необходимъ, какъ для филантропическихъ, такъ и для научныхъ цѣлей, рѣшились дѣйствовать самостоятельно и основать свою собственную больницу. Былъ составленъ новый временной комитетъ, который долженъ былъ вести дѣла образовавшагося «Госпитальнаго Общества» до такъ называемой «инкорпораціи» госпиталя законодательствомъ Массачусетса. Практически госпитальное дѣло началось перваго іюля 1862 года, въ крошечномъ домикѣ на Плэзантъ-стритѣ въ Бостонѣ. Четыре изъ женщинъ, участвовавшихъ въ комитетѣ, взяли на себя отвѣтственность въ платѣ за квартиру. Каждая изъ нихъ обѣщала собирать деньги для этой цѣли, а въ случаѣ неудачныхъ сборовъ добавлять недостающія суммы изъ собственныхъ средствъ.

Отъ 1-го іюля 1862 г. до ноября 1863 г. въ госпиталѣ лѣчилось: госпитальныхъ больныхъ 118 человѣкъ; приходящихъ больныхъ 1,507 чел. У себя на дому лѣчилось при безплатной помощи госпитальныхъ врачей 88 человѣкъ.

Законодательство Массачусетса инкорпорировало госпиталь 12-го марта 1863 г. Миссъ Люси Годдардъ, Марія Закревская и Эдна Д. Чини, ихъ компаньоны и наслѣдники, были признаны корпораціею съ названіемъ: «New England Hospital for Women and Children» (Ново-англійскій госпиталь для женщинъ и дѣтей). Вотъ частныя правила и узаконенія, подписанныя на митингѣ учредителей 5-го іюня 1863 г., съ ихъ измѣненіями по 1869 годъ. Я привожу ихъ in extenso, такъ-какъ они, въ общемъ, одинаковы для всѣхъ частныхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, будь это госпитали, колледжи, пріюты для дѣтей и т. д.

Правила.

1) Названіе госпиталя: New England Hospital for Women and Children.

2) Цѣль учрежденія слѣдующая: I. Обезпечить для женщинъ медицинскую помощь врачей ихъ же пола. II. Помочь образованнымъ женщинамъ-врачамъ въ практическомъ изученіи медицины. III. Образовать сидѣлокъ, хорошо знающихъ уходъ за больными.

3) Правленіе госпиталя должно состоять не менѣе какъ изъ

десяти и не болѣе какъ изъ сорока директоровъ, на обязанности которыхъ лежитъ полное управленіе дѣлами учрежденія.

4) Администрація госпиталя должна состоять изъ: президента, двухъ или болѣе вице-президентовъ, секретаря, кассира и аудитора, выбранныхъ въ комитетѣ директоровъ.

5) Подписчики (благотворители) имѣютъ право голоса.

6) Подписчики, платящіе 50 долларовъ единовременно, будутъ почитаться пожизненными членами.

7) Подписчики, внесшіе 250 долларовъ, имѣютъ право на безплатную кровать (т.-е. могутъ присылать въ госпиталь больныхъ на даровыя мѣста).

8) Ежемѣсячно мѣняющіяся инспектрисы госпиталя должны быть выбираемы изъ числа директрисъ.

9) Медицинская администрація (medical officers) госпиталя будетъ состоять изъ одного или болѣе домашнихъ врачей, одного или болѣе врачей посѣтителей (attending physician) и не менѣе какъ двухъ врачей консультантовъ, выбранныхъ изъ числа директоровъ.

10) Ежегодный митингъ общества долженъ сзываться въ послѣдній октябрьскій вторникъ. На немъ будутъ читаться отчеты секретаря и кассира.

11) Годовая подписка считается съ перваго дня октября.

12) На обязанности секретаря лежитъ извѣщать членовъ о митингѣ объявленіемъ въ одной или болѣе газетъ. О названномъ митингѣ и о другихъ спеціальныхъ митингахъ секретарь извѣщаетъ директоровъ письменно.

13) Директора должны собираться ежемѣсячно для обсужденія текущихъ дѣлъ госпиталя.

14) На обязанности секретаря лежитъ вести журналъ о митингахъ и дѣятельности директоровъ и общества, а также вести корреспонденцію общества, согласно съ требованіями и съ одобренія директоровъ. Онъ же составляетъ годовой отчетъ, читаемый на годичномъ митингѣ.

15) На обязанности кассира лежитъ пріемъ и расходъ денегъ корпораціи и веденіе тщательной отчетности, всегда открытой для инспекціи директоровъ.

16) Аудиторъ долженъ ежегодно, а если нужно и чаще, провѣрять текущую отчетность и годовой отчетъ.

17) На обязанности домашняго врача (resident physician) лежитъ представить комитету директоровъ на годичномъ митингѣ отчетъ о той части годичнаго труда больницы, какой окажется наиболѣе важнымъ и полезнымъ.

Замѣчу тутъ, что я просматривала подробные отчеты за нѣсколько лѣтъ, и почти въ каждомъ изъ нихъ говорилось, главнымъ образомъ, о благодѣтельности результатовъ, полученныхъ при лѣченіи бѣдныхъ дѣтей, здоровье которыхъ было запущено дома, какъ вслѣдствіе бѣдности, такъ и невѣжества ихъ семействъ. Не мало также говорилось о томъ, какіе утѣшительные результаты даетъ школа для образованія сидѣлокъ.

18) Ежемѣсячныя инспектрисы завѣдуютъ текущими дѣлами госпиталя, раздѣляя этотъ трудъ съ постоянною администраціею.

19) Пять директоровъ составляютъ рѣшающее большинство.

20) Одиннадцать членовъ составляютъ рѣшающее большинство, достаточное для веденія дѣлъ, въ каждомъ изъ экстренныхъ митинговъ общества.

21) Директора пополняютъ въ теченіе года всякую оказавшуюся въ числѣ ихъ ваканцію.

Экстренное собраніе сзывается предсѣдателемъ или секретаремъ по письменному требованію трехъ директоровъ.

22) Настоящія правила могутъ быть измѣняемы на каждомъ изъ митинговъ общества подачею двухъ третей голосовъ присутствующихъ членовъ; за двѣ недѣли должно быть дано знать объявленіями, что предполагаются измѣненія въ уставѣ.

Я привела эти правила еще и потому, что, судя по нимъ, члены общества, не видя въ этомъ никакой личной выгоды, взяли на себя работу. Изъ устава не видно, но мнѣ лично извѣстно, что въ большинствѣ случаевъ работа эта исполняется неустанно и добросовѣстно.

Итакъ, новое учрежденіе было основано съ цѣлью съ одной стороны образовательной, съ другой благотворительной. Женщины, по инціативѣ которыхъ основался Ново-англійскій госпиталь, охотно принимали помощь и сотрудничество и отъ мужчинъ—комитетъ директоровъ всегда заключалъ членовъ обоего пола, хотя женщинъ и было большинство, потому что на нихъ исключительно лежитъ обязанность посѣщать палаты, между тѣмъ какъ мужчины распоряжаются всею дѣловою стороною общества—дѣлами денежными, судебными, однимъ словомъ тѣмъ, что американцы понимаютъ подъ выраженіемъ: «business matters».

Лѣченіе и уходъ за больнымъ находится въ рукахъ женщинъ. Домашній врачъ и всѣ врачи посѣтители (resident и attending physicians)—женщины, но совѣтъ и помощь врачей-спеціалистовъ мужчинъ всегда принимается охотно. Что касается

клиническихъ занятій студентокъ, то имъ домашній врачъ и врачи посѣтители всегда и вездѣ предоставляютъ извѣстную свободу дѣйствія по отношенію къ больнымъ, руководствуясь мнѣніемъ, высказаннымъ учредителями: «что свобода дѣйствій развиваетъ въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства и твердость и рѣшимость характера».

Медицинская администрація госпиталя состояла въ 1863 г. изъ доктора Маріи Закревской—attending physician; доктора Сторера—attending surgeon (хирурга); доктора Уэра—консультанта по внутреннимъ болѣзнямъ, и доктора Каббота—консультанта-хирурга; домашнимъ врачемъ была докторъ Люси Сюаль.

Окончивъ медицинскій курсъ въ Ново-англійской женской медицинской коллегіи, миссъ Люси Сюаль провела годъ въ Европѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія и, возвратившись въ Бостонъ, поступила домашнимъ врачемъ въ госпиталь. Помощницами ея сдѣлались двѣ студентки.

Хирургическое отдѣленіе госпиталя было въ теченіе трехъ лѣтъ подъ руководствомъ д-ра Сторера, вслѣдствіе особенныхъ условій: онъ желалъ имѣть удобства госпитальной помощи для своихъ неимущихъ больныхъ, а съ своей стороны взялся хлопотать объ увеличеніи денежныхъ средствъ госпиталя. Присутствіе д-ра Сторера въ числѣ «attending physicians» было единственнымъ исключеніемъ изъ того правила устава, по которому вся внутренняя администрація госпиталя находится въ рукахъ женщинъ.

Вскорѣ домъ, нанятый корпораціею на Плэзантъ-стритѣ, оказался недостаточнымъ по величинѣ,—дѣла расширялись: больныхъ являлось все болѣе и болѣе. Поэтому общество уже въ 1864 году нашло необходимымъ, и въ денежномъ отношеніи возможнымъ, купить на Уарренъ-стритѣ четыре дома—одинъ большой и три меньшихъ. Это позволило изолировать родильницъ отъ другихъ паціентокъ и расширить отдѣленіе для приходящихъ больныхъ—«Dispensary». Теперь также и хирургическое отдѣленіе увеличилось и пріобрѣло значеніе.

Средства, издержанныя на покупку домовъ, получились частью по благотворительной подпискѣ, частью при помощи концертовъ, базаровъ и театральныхъ представленій, устроенныхъ въ пользу госпиталя. Законодательство Массачусетса съ своей стороны подарило обществу пять тысячъ долларовъ.

Въ 1864 году, докторъ Элленъ Уэбстеръ сдѣлалась ассистентомъ д-ра Люси Сюаль. Она получила ученое званіе въ Бостонѣ и служила въ санитарной коммиссіи города до того времени, пока перешла въ госпиталь. Въ этомъ же году докторъ

Ультеръ Ченнингъ, лучшій акушеръ Бостона, присоединился къ числу врачей-консультантовъ. Нужно замѣтить при этомъ, что консультанты не были только «почетными членами», они принимали живое участіе въ дѣятельности госпиталя и выбирались между знаменитостями города по различнымъ спеціальностямъ.

Въ 1865 году, докторъ Руѳь А. Джерри заняла мѣсто врача ассистента. Она получила ученое званіе въ Филадельфійской женской медицинской коллегіи. Въ этомъ же году докторъ Сторерь покинулъ свое мѣсто на хирургическомъ отдѣленіи. Хирургическимъ ассистентомъ поступила докторъ Анита Тингъ, также ученица Филадельфійской коллегіи.

Въ 1866 году докторъ Аннета Бёкль заняла мѣсто врача ассистента и прослужила три года въ этомъ званіи, получила должность домашняго врача, между тѣмъ, какъ докторъ Сюаль, вмѣстѣ съ Закревской, сдѣлалась «attending physicians» госпиталя. Д-ръ Бёкль также окончила курсъ въ Филадельфіи и во время войны съ югомъ была медицинскимъ инспекторомъ военныхъ госпиталей сѣверной арміи въ юго-западныхъ штатахъ. Окончивъ свою трехгодичную службу, какъ домашній врачъ въ ново-англійскомъ госпиталѣ, она отправилась сначала въ Вѣну, а потомъ въ Парижъ для усовершенствованія своихъ знаній и занялась въ особенности хирургіей. Въ 1875 году, вернувшись въ Бостонъ, она занялась частной практикой и получила мѣсто «attending surgeon» въ госпиталѣ. Въ прошломъ 1879 г. я получила не особенно утѣшительное извѣстіе относительно успѣховъ доктора Бёкль въ частной практикѣ: несмотря на несомнѣнныя знанія ея, въ чемъ я имѣла случай убѣдиться неоднократно, ей не повезло. Она жила въ Бостонѣ надеждою на практику, обѣщанную ей Маріею Закревскою, которая, уставъ отъ болѣе нежели двадцатилѣтняго труда на медицинскомъ поприщѣ и наживъ два большихъ дома, все хотѣла, какъ она выражалась, «удалиться съ поля дѣйствія на покой». Но она этого до сей поры не сдѣлала...

Наружность миссъ Бёкль замѣчательно пріятная. Она была уже не молода, когда я увидѣла ее въ первый разъ: у нея были бѣлые какъ снѣгъ локоны,—вся голова въ нихъ, черные какъ уголь глаза,—умные и блестящіе, яркіе бѣлые зубы и черныя, какъ смоль, брови. Голосъ ея и улыбка очень пріятны, движенія быстры и ловки; если бы не сѣдые волосы, ей можно бы дать лѣтъ двадцать-семь, двадцать-восемь, не болѣе. Замѣчу, что докторъ Бёкль не единственная моложавая женщина съ сѣдыми волосами, которую мнѣ пришлось видѣть въ Америкѣ, тамъ вообще люди поздно старятся по характеру и всему на-

ружному виду, за исключеніемъ сѣдины. Не мало также встрѣчала я тамъ женщинъ, начинавшихъ учиться чему-нибудь лѣтъ въ сорокъ и не только не отстававшихъ отъ молодежи, но достигавшихъ очень почтеннаго результата, какъ по отношенію къ пріобрѣтенію знаній, такъ и въ приносимой впослѣдствіи на жизненномъ поприщѣ пользѣ.

Въ 1869 году докторъ Элленъ Мортонъ взяла на себя обязанность консультанта при «Dispensary». Она также на четыре года ѣздила въ Европу.

Администраторы госпиталя давно убѣдились, что полный успѣхъ въ достиженіи цѣли, съ какою была учреждена больница, можетъ быть достигнутъ только въ томъ случаѣ, если и самое зданіе, гдѣ лѣчатся и живутъ больные, будетъ во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразно. Между тѣмъ, пріобрѣтенные обществомъ дома опять оказались слишкомъ малы и неудобны. Кромѣ того, постоянный ростъ и развитіе Бостона произвели то, что улицы, окружавшія госпиталь, стали гораздо шумнѣе и населеннѣе, что̀ лишало больныхъ необходимаго имъ спокойствія. Вслѣдствіе всего этого была устроена благотворительная ярмарка, давшая столь блестящіе результаты, что рѣшено было купить участокъ земли для постройки на немъ больницы, и былъ выбранъ тотъ, на которомъ теперь и стоитъ ново-англійскій госпиталь. Онъ лежитъ на южной окраинѣ Бостона и причисляется къ городу, что̀ очень важно, давая возможность пользоваться газомъ и водою городскихъ обществъ, но въ то же время онъ находится какъ-бы въ деревнѣ по отношенію къ воздуху, свѣту и спокойствію. Мѣстоположеніе госпиталя возвышенное и, какъ я уже говорила, очень живописное. Вся больничная администрація и всѣ члены общества принимали дѣятельное участіе въ изученіи госпитальныхъ плановъ, чтобы разумно устроить свой собственный госпиталь. Разработка вопроса съ гигіенической стороны сдѣлана, главнымъ образомъ, женщинами.

Фасадъ зданія съ намѣреніемъ расположенъ косвенно къ сѣверу, такимъ образомъ, что нѣтъ ни одной части зданія, куда бы не заглядывало солнце. Комнаты сѣверной стороны распредѣлены такъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ окно и на югъ. Палаты всѣ обращены къ югу, также какъ и комнаты сидѣлокъ и комнаты для ваннъ. Очень обширныхъ палатъ вовсе нѣтъ, весь госпиталь состоитъ изъ отдѣленій, заключающихъ: бо̀льшую палату въ четыре окна и на четырехъ больныхъ, ме́ньшую палату на двухъ и, между ними, комнату сидѣлки, соединенную дверьми съ обѣими палатами, но которую можно по желанію изолиро-

вать съ той или другой стороны, или съ обѣихъ. Эти отдѣленія госпиталя раздѣлены между собою комнатами для ваннъ. Во всѣ этажи проведены газъ и вода, какъ холодная, такъ и горячая, и въ каждомъ корридорѣ есть подъемныя машины изъ кухни и прачешной для быстрой доставки пищи и бѣлья.

Хирургическія палаты совершенно изолированы другъ отъ друга и могутъ вмѣщать трехъ паціентовъ въ случаѣ неважныхъ операцій, и одного или двухъ при операціяхъ болѣе серьёзныхъ. Въ верхнемъ этажѣ находится большая дѣтская палата.

Широкіе корридоры, «hall's», дѣлящіе въ каждомъ этажѣ зданіе на двѣ продольныя половины, служатъ какъ для облегченія вентиляціи, такъ и мѣстомъ прогулки для выздоравливающихъ, когда почему-либо нельзя выходить на воздухъ. «Hall's» имѣютъ широкія и высокія окна на югъ.

Госпиталь постройкою напоминаетъ павильонную систему. Вентиляція его производится аспиративными трубами; отопляется зданіе нагрѣтымъ воздухомъ; кромѣ этого каждая палата снабжена каминомъ, постоянно топящимся осенью, зимою и весною. При постройкѣ госпиталя было обращено особенное вниманіе на то, чтобы ни снаружи, ни внутри его не было ненужныхъ украшеній, гдѣ бы могла накопляться пыль или застаиваться воздухъ. Полы зданія плотные, на европейскій ладъ, противъ американскаго обыкновенія настилать ихъ всего въ одинъ рядъ досокъ, которыя покрываются коврами. О толщинѣ потолковъ и половъ въ госпиталѣ позаботились потому, чтобы было менѣе шуму и не приходилось класть ковровъ, всегда неумѣстныхъ тамъ, гдѣ есть больные.

Все зданіе состоитъ изъ четырехъ этажей — три верхнихъ заняты помѣщеніями больныхъ, и медицинскаго персонала; въ нижнемъ, съ одной стороны врытымъ въ землю, находятся: кухня, прачешная, комнаты прислуги, столовыя, аптека и кладовыя. Во второмъ помѣщается квартира домашняго врача, экономки и бѣльевая комната, гдѣ хранится больничное бѣлье и чинится и шьется все, что нужно для больныхъ помощницами экономки.

Далѣе тутъ пріемная, и «parlour» — гостинная директоровъ, отдѣленная отъ парлора студентокъ складными дверьми (folding-doors); когда эти двери открыты, то изъ обѣихъ комнатъ образуется большая зала, гдѣ иногда читаются лекціи и гдѣ собираются митинги корпораціи. Она можетъ вмѣстить около ста человѣкъ. Кромѣ названныхъ комнатъ второй этажъ заключаетъ нѣсколько одиночныхъ палатъ для дорого платящихъ больныхъ, лѣчащихся на частныхъ особенныхъ условіяхъ.

замена не дѣлается, за то протекція необходима. Отъ студентки требуется, чтобы она имѣла нѣкоторую теоретическую подготовку—практическому дѣлу ее берутся научить врачи госпиталя. Подобныя мѣста очень охотно занимаются недавно окончившими курсъ докторшами; нѣкоторыя больницы отъ поступающихъ ассистентокъ прямо требуютъ докторскихъ дипломовъ, такъ, напримѣръ, госпиталь при филадельфійской женской коллегіи.

Въ ново-англійскомъ госпиталѣ всѣхъ студентокъ, занимавшихся въ немъ съ его основанія по 1876 годъ, было 64. О судьбѣ ихъ впослѣдствіи мнѣ не удалось многаго узнать. Я знаю только, что шесть умерло, а изъ остальныхъ многія вышли замужъ; ни одна, какъ изъ замужнихъ, такъ и незамужнихъ, не покинула медицинскаго поприща.

Одна изъ задачъ, взятыхъ на себя госпиталемъ, было образованіе хорошихъ сидѣлокъ. Надобность въ нихъ сдѣлалась особенно очевидною во время войны. Въ разработкѣ этого вопроса, какъ теоретической, такъ и практической, много помогла Сюзанна Димокъ. Было рѣшено, что сидѣлки будутъ учиться годъ. Новая ученица поступаетъ сначала на двухнедѣльное испытаніе; если она окажется способною, то ее принимаютъ окончательно съ платою ей по доллару въ недѣлю въ первое полугодіе, двухъ долларовъ въ недѣлю во второе, и трехъ, если по истеченіи года она рѣшится остаться еще на полъ-года. Эта плата не почитается жалованьемъ за трудъ, а дается на необходимые расходы по покупкѣ платья и проч. Верхняя одежда, требуемая отъ сидѣлокъ, состоитъ изъ ситцевыхъ платьевъ; онѣ также обязаны носить не кожаные башмаки, а мягкія туфли. Свой учебный годъ сидѣлки проводятъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ каждомъ изъ отдѣленій госпиталя. Въ послѣднее время рѣшено, чтобы ученье ихъ продолжалось годъ и четыре мѣсяца. Къ теоретическому изученію ухода за больными докторъ Келлеръ прибавила обученіе приготовленію кушанья для больныхъ.

Съ января 1872 г. начался первый курсъ для сидѣлокъ, состоявшій изъ двадцати теоретическихъ лекцій; онъ былъ посѣщаемъ и постороннею публикою. Плата ни съ кого не взималась. Кромѣ теоріи, домашній врачъ постоянно учитъ сидѣлокъ практически у постели больныхъ. По окончаніи учебнаго времени и выходѣ ихъ изъ госпиталя, сидѣлкамъ выдается дипломъ. Нѣкоторыя изъ окончившихъ курсъ въ ново-англійскомъ госпиталѣ получили мѣста распорядительницъ или начальницъ школъ для образованія сидѣлокъ.

Домашній врачъ въ ново-англійскомъ госпиталѣ получаетъ

триста долларовъ въ годъ при полномъ содержаніи. Сумма эта самимъ комитетомъ директоровъ считается весьма незначительною, такъ-какъ работы очень много. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что, хотя доходы самого госпиталя въ 1876 году были равны всего двумъ тысячамъ долларовъ, а значительные расходы покрывались взносами доброхотныхъ дателей и различными благотворительными предпріятіями, однако денежныя дѣла его въ сущности все-таки процвѣтаютъ вслѣдствіе неистощимости американской благотворительности. Долги госпиталя по купленнымъ домамъ и землямъ равнялись въ 1876 году 47,000 долларовъ. Въ началѣ 1879 года долгъ этотъ уменьшился до 22,000, изъ которыхъ было всего 15,000 стараго долга и 7,000 новаго по вновь купленнымъ землямъ. Въ теченіе 1879 г. долгъ этотъ уменьшился еще на 7,000 долл. и это не покажется удивительнымъ, если мы возьмемъ во вниманіе, что одна только благотворительная ярмарка, устроенная въ этомъ году, дала болѣе 13,000 долл.

Въ теченіе послѣдняго года расходы госпиталя очень увеличились, какъ вслѣдствіе повышенія жалованья служащимъ, такъ и различныхъ усовершенствованій въ вентиляціи и топкѣ, которая теперь производится нагрѣтымъ паромъ. Нужно замѣтить, что послѣднее улучшеніе было болѣе нежели необходимо. Климатъ Новой Англіи довольно суровъ, еще въ мартѣ на землѣ снѣгъ. Въ октябрѣ въ нашихъ студенческихъ комнатахъ бывало такъ холодно, что мы ночью покрывались буквально полудюжиною одѣялъ, чтобы хотя немного согрѣться. Съ ноября вода замерзала подъ утро въ спальняхъ. Больныя отъ холода не страдали: въ занимаемыхъ ими палатахъ днемъ и ночью топились камины. Несмотря на долгую зиму и холодъ въ Бостонѣ и его окрестностяхъ, однако, на воздухѣ растутъ нѣкоторыя породы винограду и персиковъ. Чтобы покончить съ исторіей госпиталя, я приведу здѣсь прогрессію, въ которой увеличивалось съ годами число больныхъ, получившихъ въ немъ помощь:

1862 годъ . . . . Госпитальныхъ паціентовъ 72
Первый годъ существованія госпиталя . . . Приходящихъ 211
Израсходованныхъ денегъ. . . . 1,463 долл. 32 цента.
1879 годъ . . . . Госпитальныхъ паціентовъ 263
Лечившихся на дому . . 854
Приходящихъ 4,358
Предписаній. 22,680

При этомъ платныхъ паціентовъ какъ за лекарство, такъ и за помѣщеніе было 3,883 [1]), безплатныхъ 1,329.

Всѣхъ денегъ, израсходованныхъ въ этотъ годъ . . 39,902 долл. 52 цента.

[1]) Съ платящихъ за лекарства взимается, какъ сказано, всего 25 центовъ.

Такова исторія госпиталя и условія его существованія. Число бѣдныхъ больныхъ, пользуемыхъ въ немъ и на его средства, считается тысячами и все это дѣло въ рукахъ десятка или двухъ, женщинъ-врачей и студентокъ и такого-же числа энергичныхъ филантроповъ. Конечно, не ново-англійскій госпиталь съ его филантропіей въ состояніи предотвратить или хоть отчасти поправить всѣ ужасы, вытекающіе изъ современнаго промышленнаго строя Америки, но тѣмъ не менѣе честь и хвала неутомимымъ труженицамъ, по мѣрѣ силъ своихъ старающимся утѣшить и помочь несчастнымъ.

Новоанглійскій госпиталь не представляется единичнымъ фактомъ. Я потому только такъ подробно говорила о немъ, что его исторія есть исторія множества учрежденій бо̀льшихъ или мѐньшихъ размѣровъ, устроенныхъ такимъ-же образомъ и на подобныя-же средства съ цѣлью филантропической и образовательной. Иногда случается такъ, что сначала основывается госпиталь, въ которомъ читаются медицинскіе курсы и потомъ дѣло разростается и устроивается коллегія. Иногда при коллегіяхъ основывается сначала больница для приходящихъ, а потомъ и госпиталь. Самый процессъ основанія мною описанъ. Изъ числа устроенныхъ женщинами-врачами госпиталей я назову для примѣра: Нью-Іоркскую «Infirmary» для бѣдныхъ женщинъ и дѣтей; она была первою; послѣ нея получилъ существованіе ново-англійскій госпиталь; госпиталь въ Филадельфіи, Чикаго, въ Провиденсѣ, Джерсисити и мн. др. Во всѣхъ почти случаяхъ мужчины помогали усердно—инипіатива однако всегда принадлежала женщинамъ. Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что̀ меня особенно поразило въ американкахъ, именно: что, разъ начавъ дѣло, онѣ его не бросаютъ, и оно не гибнетъ, а разростается и процвѣтаетъ; на эту сторону я позволю себѣ обратить вниманіе моихъ читательницъ, если таковыя найдутся.

III. Моя жизнь въ госпиталѣ.

Въ день моего пріѣзда я отдыхала, а на другое утро принялась за исполненіе новыхъ моихъ обязанностей. Сначала мнѣ дали завѣдывать аптекой; къ счастію я, противъ обыкновенія учащихся медицинѣ, усердно занималась фармакологіей и фармаціей и работала нѣсколько мѣсяцевъ практически подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ аптекарей въ Цюрихѣ. Черезъ нѣсколько времени меня перемѣстили на женское отдѣленіе. Въ аптекѣ работы не было почти никакой; въ «Maternity» дѣло

состояло въ томъ, чтобы ночью помогать больнымъ, если случалось нужно; что касается до дня, то онъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: вставъ въ шесть часовъ утра, я должна была осмотрѣть своихъ больныхъ, записать ихъ пульсъ, дыханіе и температуру и тѣ измѣненія, которыя произошли за ночь въ ихъ состояніи. Въ семь часовъ мы завтракали. Послѣ завтрака начиналась оффиціальная визитація всей больницы домашнимъ врачемъ въ присутствіи той или другой «attending» или «consulting physician» и всѣхъ студентокъ. Въ первую при мнѣ визитацію присутствовали доктора Мортонъ и Закревская. Меня познакомили съ ними. Миссъ Мортонъ произвела на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Ей далеко за тридцать лѣтъ, но все-таки видно, что она была прежде необыкновенно хороша собою. Она довольно полна, очень жива и улыбка ея чрезвычайно привлекательна. Она гладко причесана съ низко спускающеюся сзади темно-каштановою косою; платье у нея черное шерстяное съ полуоткрытымъ спереди воротомъ; вмѣсто воротничка у нея надѣта бѣлая сплоеная тюлевая косынка, — значитъ д-ръ Мортонъ квэкерша; но она говоритъ всѣмъ намъ «вы», а не «ты», такъ что мнѣ и не удалось рѣшить — квэкерша она или нѣтъ. Свое дѣло она знала превосходно—занятія подъ ея руководствомъ приносили студенткамъ несомнѣнную пользу.

По окончаніи визитаціи мы отправлялись въ операціонную комнату, если предвидѣлась операція; если нѣтъ,—то шли въ аптеку приготовлять прописанныя докторшами лѣкарства. Это брало время до обѣда, происходившаго въ часъ дня. Послѣ обѣда писались исторіи болѣзни и чертились «кривыя» дыханія, пульса и температуры. Затѣмъ снова нужно было навѣстить госпитальныхъ больныхъ, или сходить на домъ къ кому-либо изъ недавно вышедшихъ. Въ семь часовъ ужинъ, послѣ ужина новый обходъ больныхъ, исполненіе различныхъ докторскихъ предписаній, записываніе разныхъ наблюденій—и день оконченъ часамъ къ десятиодиннадцати.

На второй день по моемъ пріѣздѣ, я, какъ уже упоминала, увидѣла д-ра Закревскую. Это тоже очень живая женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ; она худощава, съ рѣзкими, некрасивыми чертами лица и маленькими умными сѣрыми глазами. Она незамужняя. Всего болѣе въ ней меня поразила живость и простой здравый смыслъ ея рѣчи, соединенный съ хорошимъ знаніемъ людей. Что касается ея медицинскаго образованія, то оно оказалось плоховатымъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы она была плохимъ практическимъ врачемъ, напротивъ, дѣла ея съ

больными шли очень хорошо, но теоретикъ она была очень плохой и самымъ фантастическимъ образомъ объясняла намъ происхожденіе болѣзней и ихъ симптомовъ. Паціенты ея не страдали отъ подобнаго недостатка знаній, такъ-какъ общія гигіеническія правила и главныя предписанія американской школы, что́ дѣлать въ той или другой болѣзни, она знала наизустъ.

Достоинство М. Закревской заключалось въ ея энергіи, въ ея преданности своему дѣлу и въ ея трудолюбіи. Не ея вина, если въ то время, когда она училась, на вещи смотрѣли иначе, нежели теперь смотрятъ; да и сама она вѣроятно сказала бы, что никогда не стремилась къ «учености». Она думала только добыть достаточно практическихъ знаній, чтобы быть полезною, и приносила пользу. Мотивы, руководившіе ею, безъ сомнѣнія, во многомъ отличались отъ тѣхъ, которые одушевляютъ теперь лучшихъ русскихъ женщинъ. Важно то, что она своего «таланта» въ землю не зарыла. Взгляды ея вообще были очень своеобразны. Такъ она всегда горячо доказывала, что всякій «порядочный и дѣльный человѣкъ», и въ особенности женщина-врачъ, долженъ стремиться сдѣлать карьеру и разбогатѣть, непремѣнно разбогатѣть! «Свѣтъ», говорила она, «судитъ о серьёзности вашего дѣла и о вашихъ способностяхъ по вашему успѣху. Если вы сдѣлали карьеру, то этимъ самымъ уже принесли пользу вашему дѣлу и всѣмъ тѣмъ, кто идетъ по одному съ вами пути.— You must succeed! («вы должны имѣть успѣхъ»—въ смыслѣ добытія положенія и денегъ), если у васъ есть твердое намѣреніе быть полезной человѣчеству».

Ко мнѣ Закревская отнеслась сначала какъ-то странно; она точно стѣснялась чего-то во время своихъ клиническихъ объясненій, точно боялась, что я пожалуй вздумаю какъ-нибудь сконфузить ее въ силу «моихъ европейскихъ знаній». Она, впрочемъ, очень скоро убѣдилась, что я смирный человѣкъ, обладающій чрезвычайно малою дозою самоувѣренности, и стала со мною очень любезна, а черезъ нѣсколько времени въ ея тонѣ начало проглядывать точно снисходительное сожалѣніе, которое сдѣлалось мнѣ понятно, когда она однажды, въ минуту откровенности, высказала мнѣніе, что я «никогда не разбогатѣю!» Я разсмѣялась и вполнѣ согласилась съ нею.

Какъ бы то ни было, но знакомство съ Закревской и ея домашними оставило мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Въ первый разъ я у нея была на пикникѣ, устроенномъ ею у себя для всѣхъ насъ—студентокъ. Она жила въ получасѣ ходьбы отъ госпиталя, тоже за городомъ, въ «Roxbury, Boston Highlands»,

въ обширномъ деревянномъ старомъ домѣ, напоминавшемъ по своему виду старинныя русскія помѣщичьи постройки. Вокругъ дома былъ довольно большой садъ, нѣсколько дикій и запущенный въ общемъ, но отлично содержанный въ огородной и фруктовой его части. Съ Закревской жила семья Гейнценъ, состоявшая изъ стариковъ, отца и матери, и молодого сына, бывшаго теперь въ отлучкѣ.

Когда мы явились, насъ провели прямо въ садъ, гдѣ все приглашенное еще кромѣ насъ общество по-деревенски сидѣло подъ деревьями на травѣ. Поздоровавшись со мною, Закревская кликнула по-нѣмецки: «Гейнценъ, Гейнценъ! иди скорѣе, здѣсь есть нѣкто, съ кѣмъ ты можешь всласть наговориться по-нѣмецки!»

На этотъ зовъ явился громаднаго роста старикъ, нѣсколько сутулый и сѣдой. Насъ представили другъ другу; онъ заговорилъ со мною о Швейцаріи, и скоро къ намъ присоединилась жена его, маленькая краснощекая старушка съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами. Сынъ ихъ кончилъ года три тому назадъ курсъ на архитектора въ цюрихскомъ Политехникумѣ. Впослѣдствіи я узнала, что старикъ Гейнценъ былъ когда-то однимъ изъ передовыхъ дѣятелей въ средѣ германской молодежи въ 48 году, былъ друженъ съ Гейне и Фрейлигратомъ и послужилъ первому героемъ его Атта-Троля. Его дѣйствительно можно было олицетворить въ видѣ медвѣдя; такой онъ былъ огромный, неуклюжій и съ перваго взгляда лѣнивый. Въ сущности же онъ лѣнивъ не былъ, а работалъ очень много и прилежно по изданію въ Бостонѣ радикальной нѣмецкой газеты «Піонеръ». Въ ней онъ горячо воевалъ съ соціалистами и отстаивалъ республику, съ прогрессивнымъ имущественнымъ и подоходнымъ налогомъ и т. д. Другими словами онъ въ своихъ требованіяхъ не отходилъ далеко отъ того, что даетъ уже въ настоящее время конституція цюрихскаго кантона. Съ Закревской и онъ, и его жена были очень дружны и даже на «ты».

Я ближе познакомилась съ Закревской только позже, во время моего вторичнаго пребыванія въ Бостонѣ, весною 1876-го года. Проводя воскресные вечера въ «Roxbury», я не думала вовсе, что этимъ наношу вредъ кому бы то ни было, а, между тѣмъ, сама того не зная, лишала д-ра Феррисъ сна и пищи: она боялась, что я наговорю на нее всякихъ ужасовъ Закревской. Дѣло, впрочемъ, не ограничилось съ ея стороны одними внутренними страданіями; побывъ недѣли двѣ-три въ госпиталѣ и освоившись въ немъ, я стала замѣчать явное недружелюбіе

мистриссъ Феррисъ ко мнѣ. Она вездѣ старалась «осадить» меня, дать мнѣ понять, что она мое начальство. Мнѣ это было очень непріятно, тѣмъ болѣе, что я держала себя очень миролюбиво и даже покорно. Враждебность главной докторши была мнѣ тѣмъ тяжелѣе, что я не могу сказать, чтобы мнѣ очень кто былъ по душѣ изъ моихъ товарищей. Одна Алиса Беннетъ внушала мнѣ хоть сколько-нибудь симпатіи, остальныя, несмотря на ихъ многія весьма почтенныя личныя качества, не нравились. Въ госпиталѣ насъ всѣхъ было четверо; кромѣ Алисы Беннетъ и меня были еще миссъ Эланвудъ и миссъ «Seraph» Фризе́ль. Миссъ Эланвудъ жила уже второй годъ въ больницѣ и пользовалась неограниченнымъ довѣріемъ начальства, заслуживаемымъ ею во всѣхъ отношеніяхъ; отъ насъ она сторонилась и отличалась молчаливостью и очень печальнымъ видомъ, насколько я знаю, вслѣдствіе разныхъ семейныхъ невзгодъ. Что касается «Seraph» Фризе́ль, это было совершенно своеобразное существо, какихъ я еще не видала. Дѣвушка она была лѣтъ подъ тридцать, маленькаго росту, почти альбиноска по цвѣту волосъ и лица. Она не была «совсѣмъ» глупа, училась порядочно, и подобно остальнымъ, исполняла свое дѣло добросовѣстно; въ то же время все, что касалось литературы, искусства, общественной и политической жизни человѣчества, представляло въ головѣ ея невообразимый хаосъ. Она серьёзно доказывала мнѣ, что ходить, напримѣръ, въ театръ— «wicked», очень грѣшно; чтеніе романовъ, драмъ, поэмъ, всего, кромѣ учебниковъ — гибельно, такъ-какъ все въ подобныхъ сочиненіяхъ «безнравственно». Мы какъ-то всѣ сообща уговорили ее прочесть хоть «Давида Копперфильда»; она о Диккенсѣ слыхала отъ своихъ учителей въ школѣ и это заставило ее согласиться: она долго носилась съ книгой, но такъ и не одолѣла ея; во-первыхъ потому, что она показалась ей скучною, а во-вторыхъ потому, что ее все-таки постоянно смущала мысль, что не учебную книгу читать «wicked». Она бывала забавна, но Алиса Беннетъ увѣряла меня, что миссъ Фризе́ль не смѣшна, а страшна, какъ всякая фанатичка, и что она не представляетъ исключенія въ Америкѣ, принадлежа къ ново-англійской пуританской семьѣ. Сама Алиса Беннетъ была тоже религіозна, но не доходила до этихъ крайностей.

Вообще я могу сказать, что первое время моего житья въ госпиталѣ было не сладко. Все было мнѣ чужое и я всѣмъ была чужая. Поэтому для меня особенно былъ пріятенъ пріѣздъ Фанни Брандейсъ въ Бостонъ. Она нѣсколько разъ навѣщала меня и черезъ нее я ближе познакомилась съ ея пріятельницами, сестрами

Попъ, завѣдывавшими, въ числѣ другихъ, больницею для приходящихъ; сестры-доктора́ были близнецы, ихъ звали Эмилія и Августа. Онѣ до того были похожи другъ на друга, что я до конца не выучилась различать ихъ. Онѣ познакомили меня въ свою очередь съ докторомъ Эммою Коль, которая особенно понравилась мнѣ какъ по своимъ знаніямъ, такъ и по живости, дѣятельности и добротѣ своей. Двѣ миссъ Попъ и Эмма Коль были дѣвушки со средствами. Окончивъ медицинскій курсъ въ Америкѣ, онѣ ѣздили на 2—3 года въ Европу для усовершенствованія. Сестры Попъ занимались въ Парижѣ, а миссъ Коль въ Вѣнѣ; я много обязана имъ особенно съ практической стороны моего медицинскаго образованія.

Я нѣсколько разъ навѣщала Фанни Брандейсъ и черезъ ея посредство мнѣ удалось заглянуть и въ домашнюю жизнь американской семьи, но объ этомъ послѣ.

Время мое въ госпиталѣ было очень занято; въ рѣдкіе свободные отъ больничныхъ занятій часы я собирала матеріалы для своей будущей диссертаціи. Меня предупреждали, что въ теченіе зимняго учебнаго семестра въ филадельфійской коллегіи я не найду на это ни одной свободной минуты, что̀ впослѣдствіи буквально и оправдалось. Работать мнѣ приходилось больше книжно, такъ-какъ въ Америкѣ не требуется для диссертаціи никакихъ самостоятельныхъ изъисканій, а только болѣе или менѣе толковая компиляція изъ чужихъ трудовъ. У меня же къ счастію еще были кое-какія собственныя наблюденія изъ моихъ швейцарскихъ занятій, такъ что я имѣла въ рукахъ болѣе чѣмъ отъ меня хотѣли. Писать диссертацію теперь мнѣ, между прочимъ, нужно было еще и потому, что я все еще надѣялась, что меня допустятъ до экзамена, не требуя посѣщенія зимняго курса. Надежда эта оказалась, однако, тщетною. Въ половинѣ августа я получила письмо отъ миссъ Бодлей, которая извѣщала меня, что профессора филадельфійской коллегіи не нашли возможнымъ согласиться на мою просьбу относительно экзамена, и что мнѣ все-таки необходимо сначала провести одинъ курсъ въ коллегіи.

Это извѣстіе не могло не опечалить меня. Итакъ мнѣ предстоялъ еще почти цѣлый годъ различныхъ мытарствъ, раньше чѣмъ я стану на собственныя ноги. Но дѣлать было нечего, приходилось покориться, что я и сдѣлала безъ всякихъ протестовъ. Теперь я, впрочемъ, была этимъ рѣшеніемъ менѣе недовольна, чѣмъ еслибы узнала о немъ въ началѣ моего пребыванія въ госпиталѣ; за эти нѣсколько недѣль я успѣла убѣдиться, что американская теорія и практика медицины во многомъ отли-

чаются отъ европейскихъ, и рѣшила, что изучить ихъ подробнѣе не будетъ для меня лишнимъ. Конечно, не будь я къ этому принуждена обстоятельствами, я бы этого не сдѣлала, такъ-какъ ни временемъ, ни средствами я богата не была, и такое широкое изученіе моего дѣла было для меня пока роскошью.

Какъ бы то ни было, но я отвѣтила миссъ Бодлей, что пріѣду къ началу курса. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого миссъ Бодлей сама пріѣхала въ Бостонъ по какимъ-то дѣламъ. Она навѣстила меня и Алису Беннетъ, которая была ученицею «Women's medical College». Отдавая ей визитъ, я познакомилась у ней съ другою будущею своею «товаркою», миссъ Гастонъ. Какъ она, такъ и Алиса переходили теперь на послѣдній курсъ и должны были держать мартѣ 1876 г. выпускной экзаменъ вмѣстѣ со мною. Миссъ Гастонъ мнѣ не понравилась своею натянутостью и напыщенностью, и Алиса Беннетъ, которая была, что называется «enfant terrible», шепнула мнѣ, что она по-просту глупа, въ чемъ я впослѣдствіи имѣла случай убѣдиться на дѣлѣ.

Миссъ Бодлей и миссъ Гастонъ обѣ остановились не въ гостиницѣ, а въ домѣ съ дешевыми комнатами, отдаваемыми въ наемъ небогатымъ «интеллигентнымъ женщинамъ». Домъ этотъ принадлежитъ одному полу-религіозному обществу филантроповъ. Къ сожалѣнію, я была въ то время слишкомъ занята, чтобы имѣть возможность осмотрѣть его вполнѣ и познакомиться со всѣмъ дѣломъ короче. Знаю только, что комнаты удобныя и дешевыя, что къ услугамъ живущихъ есть въ домѣ безплатная библіотека, столовая, гостиная, ванны и т. п., что жилицы не стѣснены никакими особенными регламентами и что домъ всегда полонъ.

Работы въ госпиталѣ, какъ я говорила, было у меня вдоволь; отдыхомъ служили посѣщенія дома Закревской и иногда прогулка на полянѣ противъ больницы. Кромѣ мистриссъ Феррисъ мнѣ ни на кого нельзя было жаловаться; впослѣдствіи же, когда она убѣдилась въ неосновательности своихъ подозрѣній на мой счетъ, недоразумѣніе между нами разъяснилось, и жизнь мою я могла бы назвать даже пріятною, такъ-какъ я нѣсколько болѣе сблизилась и со студентками. Мировая съ докторомъ Феррисъ совершилась, впрочемъ, только послѣ возвращенія моего изъ городского отдѣленія.

Кромѣ описанной мною работы было еще кое-что, о чемъ нельзя не упомянуть; именно сидѣлки были отчасти подъ руководствомъ студентокъ. Большинство сидѣлокъ состояло изъ порядочныхъ и довольно образованныхъ женщинъ и непріятностей съ ними вообще не встрѣчалось. Нѣкоторыя, особенно изъ молодыхъ,

собирались впослѣдствіи изучать медицину, что въ Америкѣ встрѣчается нерѣдко.

Бо́льшая часть, однако, ни на что иное не готовилась, какъ только на сидѣлокъ. Одна изъ послѣднихъ, нѣкая миссъ Мошке, по происхожденію баварская нѣмка, почему-то вдругъ начала выказывать особенное расположеніе ко мнѣ. Я долго не могла понять, чѣмъ заслужила его, пока миссъ Мошке не объяснила разъ, что считаетъ меня своей соотечественницей, такъ-какъ, по ея мнѣнію, Россія не что иное, какъ одна изъ многочисленныхъ провинцій Германіи. Я имѣла наивность убѣждать ее, что она ошибается, но всѣ мои усилія оказались тщетными, она такъ и осталась при этомъ мнѣніи, «а то почему бы вы такъ свободно владѣли нѣмецкимъ языкомъ!» торжественно заключила она: «Я вотъ ни на какомъ языкѣ не умѣю говорить, кромѣ своего, да немножко по-англійски».

Но бѣдная Мошке и на родномъ языкѣ говорила, благодаря долгому житью между американскими нѣмцами, довольно плохо. Нельзя себѣ представить ничего забавнѣе, такъ называемаго, «Pensylvania Deutsch», на которомъ говорятъ нѣмцы въ окрестностяхъ Филадельфіи, Нью-Іорка и Бостона. Языкъ этотъ представляетъ не только смѣсь нѣмецкаго и англійскаго, но въ то же время испещренъ совершенно своеобразными выраженіями, происшедшими отъ буквальнаго перевода англійскихъ словъ на нѣмецкій языкъ и отъ германизаціи самыхъ англійскихъ выраженій. Такъ, напримѣръ, глаголъ «to move» въ смыслѣ переѣзда въ новое жилище, нѣмцы употребляютъ въ видѣ «muffen»; вмѣсто «I like»—я люблю, мнѣ нравится,—они говорятъ «ich gleiche das»; слово «without»—«безъ», переводится ими выраженіемъ «mitaus» (with-mit, out-aus) — кстати сказать, совершенно безсмысленнымъ и т. п.

По поводу простодушной Мошке я вспомнила объ одномъ очень трогательномъ обыкновеніи американскихъ госпиталей: именно, палаты и столы больныхъ всегда, и зимою и лѣтомъ, украшаются живыми цвѣтами. Миссъ Мошке имѣла особенную способность изящно располагать ихъ. Всякую свободную минуту лѣтомъ она, да и другія сидѣлки посвящали собиранью цвѣтовъ и украшенію палатъ. За американцами вообще непризнаютъ большого художественнаго чутья; я думаю даже, что оно у нихъ, какъ у націи, и совсѣмъ отсутствуетъ, за то они обладаютъ замѣчательнымъ умѣньемъ придать мелочами изящный и веселый видъ своимъ жилищамъ; и въ этомъ съ ними не сравнится ни одинъ народъ. Они также очень хорошо понимаютъ, въ чемъ заклю-

чается настоящій комфортъ, и умѣютъ достигать его при самыхъ сравнительно незначительныхъ матеріальныхъ затратахъ. Итакъ, лѣтомъ поляны вокругъ госпиталя снабжали больныхъ цвѣтами,— зимою они получались изъ оранжерей благодѣтелей и попечителей госпиталя. Культъ цвѣтовъ очень распространенъ между американскими женщинами. Почти всѣ носятъ живые цвѣты либо у пояса, либо въ видѣ брошки, либо на головѣ, не только принарядившись въ праздникъ, но и въ будни.

Что касается попечителей госпиталя, то кромѣ присылки ими цвѣтовъ для больныхъ, они старались доставлять удовольствія и намъ—студенткамъ; такъ иногда намъ давались билеты въ театръ и въ концерты; иногда и намъ, и больнымъ присылались фрукты и мороженое. Я говорила уже о томъ, что у больныхъ была своя столовая, теперь прибавлю, что она была очень хорошо меблирована и въ ней помѣщался рояль, на которомъ желающіе могли играть сколько душѣ угодно, въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда въ госпиталѣ не было особенно трудныхъ больныхъ. Былъ въ столовой и шкапъ съ книгами для легкаго чтенія, которыми больныя могли пользоваться по желанію; кромѣ этой чисто литературной библіотеки была и медицинская, довольно полная, для студентокъ и врачей; эта послѣдняя помѣщалась въ нашемъ парлорѣ. Сада госпиталь пока не имѣетъ, но около него есть довольно красивая роща кедровъ, гдѣ гуляютъ и сидятъ больныя. Для болѣе слабыхъ иногда между деревьями развѣшиваютъ койки — «гамаки», и тамъ онѣ спокойно могутъ пользоваться лучшими въ мірѣ лекарствами: чистымъ воздухомъ и солнечнымъ тепломъ и свѣтомъ.

IV. — Въ «Диспенсаріи».

Пробывъ около двухъ мѣсяцевъ въ госпиталѣ, я достаточно попривыкла и къ языку, и къ американскимъ нравамъ, чтобы не пугаться мысли отправиться на нѣсколько недѣль въ «Диспенсарій», или городское отдѣленіе больницы, только для приходящихъ, гдѣ я должна была замѣнить миссъ Мерчантъ, кончавшую свое ассистентство въ больницѣ. Диспенсарій помѣщался въ центрѣ города; тамъ студентки работали болѣе самостоятельно, нежели въ госпиталѣ, а обращались за совѣтомъ къ старшимъ докторшамъ только въ трудныхъ случаяхъ. Пріемъ больныхъ производится тамъ докторшами въ извѣстные часы дня, во все же остальное время, и въ особенности, при посѣщеніи больныхъ на дому, студентки предоставлены собственнымъ силамъ и знаніямъ. На студенткахъ лежитъ обязанность также подавать

помощь при родахъ и исполнять все то, что называется малою хирургіею (minor surgery), другими словами, быть повивальными бабками и фельдшерицами, такъ-какъ въ Америкѣ нѣтъ ни фельдшеровъ, ни акушерокъ. Я уже говорила, что въ диспенсаріи врачебная помощь безплатная и что только съ болѣе обезпеченныхъ больныхъ берется 25 центовъ за лекарство даже и въ томъ случаѣ, еслибы его было отпущено на два доллара. Такъ практиковалось во всѣхъ больницахъ для приходящихъ, какія мнѣ пришлось видѣть.

Когда мнѣ вышло назначеніе въ диспенсарій, я, не долго думая, забрала необходимыя вещи и книги, сѣла въ конку и простилась съ госпиталемъ недѣль на шесть. Мнѣ эта перемѣна была, пожалуй, даже пріятна въ виду того, что тамъ за моею спиною не всегда будетъ стоять мой врагъ, докторъ Феррисъ. Я пріѣхала въ диспенсарій какъ разъ къ обѣду. Миссъ Митчель, бывшая тамъ теперь одна за отъѣздомъ миссъ Мерчантъ, встрѣтила меня какъ-то не то ласково, не то устало. Черная экономка заведенія, Рэчель или мистриссъ Кларкъ — какъ, впрочемъ, я одна удостоивала звать ее—привѣтствовала меня теплѣе. Десятилѣтній сынишка ея, Томми, черный, какъ вакса, и курчавый, какъ баранъ со спутанною и пыльною шерстью, тотчасъ подхватилъ мои вещи и понесъ ихъ въ комнату студентокъ. Меня проводили въ столовую и усадили за обѣдъ, который оказался еще лучше госпитальнаго. За обѣдомъ миссъ Митчель объяснила мнѣ, въ чемъ заключаются наши съ нею обязанности.

Во-первыхъ, мы встаемъ въ шесть часовъ утра, завтракаемъ и затѣмъ тотчасъ идемъ на верхъ въ комнаты, гдѣ принимаютъ больныхъ. Приходящая на полъ-дня служанка, Сэра, къ тому времени уже прибрала ихъ. Наше дѣло состоитъ въ томъ, чтобы все приготовить для пріема.

Мы вынимаемъ изъ шкапа книги и кладемъ ихъ на докторскій столъ. Одна служитъ для вписыванія имени, адреса и болѣзни паціентовъ, другая—для записыванія отпускаемыхъ имъ лекарствъ. Потомъ нужно достать и выставить на видъ тѣ лекарства, которыя чаще всего употребляются. Потомъ въ другой комнатѣ приготовить инструменты для изслѣдованія и всѣ вещи, необходимыя для леченія внутреннихъ женскихъ болѣзней. Потомъ вычистить, если окажется нужнымъ, всевозможные аппараты и стклянки. Все это дѣлается на почтовыхъ, потому что должно быть готово къ 8-мъ часамъ, когда являются докторши и начинается пріемъ больныхъ, длящійся до 12-ти часовъ или часа, смотря по числу пришедшихъ. Бывали дни, когда ихъ

являлось болѣе ста человѣкъ. Въ часъ мы обѣдаемъ, а послѣ обѣда посѣщаемъ больныхъ на дому. Когда есть визиты въ отдаленныя части города, мы имѣемъ право ѣхать по конкѣ на счетъ госпиталя. Въ пять часовъ мы ужинаемъ. Послѣ ужина мы разбираемъ принесенные намъ рецепты, прописанные во время визитовъ нами или кѣмъ-либо изъ докторшъ, которыя съ своей стороны посѣщаютъ больныхъ на дому. Мы приготовляемъ заказанныя, такимъ образомъ, лекарства и затѣмъ снова отправляемся по больнымъ. Къ восьми часамъ вечера мы дома; но обязанности наши еще не кончены: мы сводимъ счетъ денегъ, полученныхъ за лекарства, а также истраченныхъ нами какъ на проѣзды, такъ и на покупку различныхъ вещей для диспенсарія. Мы также приводимъ въ порядокъ билеты, принесенные намъ за отпущенныя бѣднымъ безплатно изъ диспенсарія порціи бульона, мяса, молока и вина; затѣмъ просматриваемъ, сколько порцій назначено на-завтра нами и докторшами, и заказываемъ ихъ Рэчель. Потомъ мы занимаемся приготовленіемъ лекарствъ «en gros»—именно тинктуръ, экстрактовъ, микстуръ и порошковъ, наиболѣе употребительныхъ. Много лекарствъ мы покупаемъ въ городскихъ аптекахъ—всѣ тѣ, которыя требуютъ либо очень много времени, либо очень дорогихъ приборовъ и приспособленій для своего приготовленія. Особенно любимая лекарственная форма въ Америкѣ—это обсахаренныя пилюли. Всѣ вещества, способныя быть превращенными въ пилюльную массу, можно получить готовыми въ этомъ видѣ въ какой угодно дозѣ. У насъ цѣлый шкапъ полонъ ими. Но вотъ пробило девять часовъ. По уставу диспенсарія мы не обязаны болѣе выходить изъ дому по требованію больныхъ; городъ великъ и кишитъ всякимъ людомъ, могло бы быть даже опаснымъ для женщинъ ходить однѣмъ ночью въ совершенно незнакомыя мѣста по первому зову. Въ девять часовъ мы имѣемъ право ложиться спать. Увы, впослѣдствіи мнѣ только очень рѣдко удавалось воспользоваться этимъ правомъ; лишь только бывало сбросишь пыльное платье и отмоешь съ себя грязь и копоть, захваченныя вездѣ по немногу, лишь только приклонишь усталую голову къ подушкѣ, какъ надъ самымъ ухомъ раздается неистовый звонокъ—это пришли звать къ больной. Мы давали карточки женщинамъ, которыя просили нашей помощи для предвидимаго случая; человѣкъ, принесшій подобную карточку, имѣлъ право потребовать насъ къ больной во всякое время дня и ночи.

Выслушавъ объясненія миссъ Митчель, я пошла вмѣстѣ съ нею осмотрѣть подробно шкапы съ лекарствами и книги, знакомство съ которыми мнѣ было теперь всего нужнѣе. Помѣщеніе диспенсарія я уже видѣла раньше: это былъ обыкновенный узкій и высокій американскій домъ. Фасадъ имѣлъ одно окно и дверь въ нижнемъ этажѣ. Въ верхнихъ трехъ было по два окна. Въ нижнемъ помѣщались столовая и кухня съ кладовыми. Во второмъ было двѣ комнаты; одну, выходившую на улицу, занимали студентки; вторая—задняя, была обставлена скамьями и въ ней больныя ожидали въ пріемные часы своей очереди быть принятыми. Впрочемъ, въ тѣ дни, когда ихъ собиралось сто и больше, онѣ сидѣли и на лѣстницѣ, и даже на крыльцѣ дома. Слѣдующій, третій этажъ, служилъ для осмотра и лѣченія въ немъ больныхъ; тутъ же стояли шкапы съ лекарствами и инструментами. Въ верхнемъ этажѣ, совсѣмъ подъ крышею, въ небольшихъ, отчасти по угламъ скошенныхъ, но свѣтлыхъ, веселыхъ комнаткахъ, помѣщалась Рэчель съ сыномъ. При домѣ былъ дворикъ, засаженный цвѣтами и почти весь затянутый сверху роскошною виноградною лозою—любимое мѣстопребываніе Томми, когда онъ былъ не въ школѣ.

Въ мое время врачами диспенсарія были д-ръ Бекль, двѣ сестры Попъ и д-ръ Мортонъ. Онѣ чередовались между собою. Потомъ еще прибавилась миссъ Коль. Онѣ являлись утромъ, принимали больныхъ, изслѣдовали ихъ и прописывали лекарства. Одна изъ студентокъ впускала и выпускала больныхъ и, пока длилось изслѣдованіе, она же готовила лекарство по только-что прописанному рецепту, въ то же время прислушиваясь къ тому, что́ говоритъ докторша, и оберегая дверь отъ натиска извнѣ, со стороны нетерпѣливыхъ, находящихся на очереди быть принятыми. На каждую больную обыкновенно полагалось двѣ-три минуты. У меня всегда голова шла кругомъ, когда я была на очереди въ пріемной. Другая студентка въ это время, въ задней комнатѣ, была занята исполненіемъ надъ больными тѣхъ докторскихъ предписаній, которыя можно было исполнить на мѣстѣ. Тутъ такой спѣшности не было. Я уже упомянула, что, напримѣръ, въ 1879 г. число всѣхъ больныхъ, получившихъ помощь въ диспенсаріи, равнялась 5,212, а рецептовъ было прописано 22,680. Это показываетъ, какое количество дѣла тамъ дѣлается при самомъ незначительномъ персоналѣ; и такъ вездѣ во всѣхъ, какъ филантропическихъ, такъ и не-филантропическихъ медицинскихъ заведеніяхъ Америки. Кромѣ помощи леченіемъ, больнымъ раздавали даромъ пищу и доставляли сидѣлокъ на домъ,

когда ходить за ними было некому и ихъ почему-либо нельзя было принять въ госпиталь. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ болѣзнь произошла отъ дурной квартиры, госпиталь помогалъ больнымъ отыскать и нанять лучшую.

Прибавлю здѣсь, что, за всѣми тратами на госпиталь и диспенсарій, имущество общества возрасло къ 1879 году до 66,382 долларовъ 31 центовъ.

Послѣ того, какъ я пробыла нѣсколько дней въ диспенсаріи, мнѣ уже казалось, что я тутъ живу цѣлый вѣкъ и что этотъ вѣкъ продлится до безконечности. Утренняя работа по пріему больныхъ очень утомляла меня физически, но не имѣла въ себѣ ничего такого, что̀ было бы особенно и остро больно нравственно въ данную именно минуту. Конечно, мнѣ было жаль больныхъ, тяжело за ихъ бѣдственное положеніе, за ихъ невѣжество и за состояніе общества, могущаго существовать при условіяхъ, вызывающихъ такое количество бѣдствій... но все это сожалѣніе было, такъ сказать, болью хроническою, отчасти притупившеюся. Тутъ, въ диспенсаріи, всѣ эти бѣдствія не такъ били въ глаза, какъ при посѣщеніи больныхъ и встрѣчѣ со всѣмъ гнетущимъ ихъ зломъ въ ихъ ближайшей обстановкѣ, въ ихъ собственномъ домѣ. Въ диспенсаріи, на пріемѣ больныхъ, было вообще не до размышленій, нужно было не рефлектировать и сожалѣть, а поскорѣе обдумать данный случай и рѣшить, какъ и чѣмъ помочь— леченьемъ ли, пищей, одеждой, или же иногда и просто нравственно поддержать и утѣшать—бывали у насъ и такіе случаи.

Не то было при посѣщеніи больныхъ у нихъ дома. У меня и теперь иногда морозъ по кожѣ пробѣгаетъ при одномъ воспоминаніи о томъ, что̀ приходилось видѣть и слышать.

Не уступишь ты, новая страна, Старому Свѣту въ умѣньи довести до полнаго умственнаго, нравственнаго и физическаго истощенія и твоихъ собственныхъ дѣтей, и тѣхъ, кто ищетъ у тебя убѣжища! Особенно несчастны и жалки были бѣдняги ирландцы. Выросли и жили они у себя, въ своей «зеленой Эринъ», въ глаза не видавъ плодовъ ея богатыхъ жатвъ, а поддерживая свое печальное существованіе однимъ картофелемъ—его въ Америкѣ такъ и зовутъ «irish potato» [1]); и жили и умирали они въ дыму и смрадѣ своихъ лачугъ, въ большинствѣ случаевъ будучи только послушными орудіями въ рукахъ фанатическаго духовен-

---

[1]) „Ирландскій картофель" въ противоположность американскому сладкому картофелю—бататѣ.

ства. Переѣзжая въ Америку, они мечтали о счастьи и довольствѣ, и нашли тутъ тотъ же дымъ и смрадъ, и тотъ же «irish potato», и то же духовенство,—іезуитовъ въ Америкѣ очень много, и ни у кого нѣтъ богаче земель и лучше домовъ.

Во время моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ былъ, какъ я уже упоминала, рабочій кризисъ; множество рабочихъ, будучи безъ дѣла, впали въ нищету. Между ними преимущественно страдали ирландцы. Имъ первымъ отказываютъ въ работѣ, такъ-какъ, несмотря на свою силу и умѣнье, они неусидчивы въ трудѣ и часто предаются пьянству; изъ нихъ, главнымъ образомъ, набираются такъ-называемые «loafers», т.-е. по-американски—бездѣльники, днюющіе и ночующіе въ кабакахъ. Изъ обращавшихся въ диспенсаріи бѣдняковъ болѣе всего было ирландцевъ. Бывало придетъ какая-нибудь бѣдная женщина къ намъ и скажетъ, что ей нужна докторша, есть больная въ домѣ.

— Гдѣ вы живете?

— Въ Аѳинской улицѣ.

Ну, и знаешь, что нужно уходить изъ дому на долго. Миссъ Митчель разъ навсегда отказалась отъ практики въ Аѳинахъ; что касается до меня, то я работала тамъ до тѣхъ поръ, пока сама не заболѣла и меня не вернули для поправленія здоровья въ госпиталь.

Бостонскія «Аѳины» или попросту Аѳинская улица—не что иное какъ узкій проходъ версты въ три-четыре длиною. Вдоль обѣихъ сторонъ его громоздятся грязные, узкіе, высокіе дома; отъ погреба и до чердака они набиты бѣдными или, лучше сказать, нищими ирландцами. Грязь, вонь, дымъ, смрадъ, крикъ, пьянство и суевѣріе, уму непостижимыя, встрѣчаетъ тамъ посѣтитель. Я ничего подобнаго не видѣла въ жизни, да вѣроятно и не увижу. Все это населеніе работаетъ, лѣнится, пьетъ, хвораетъ, ссорится, дружится, родится и умираетъ въ кучѣ. Когда мнѣ въ первый разъ пришлось посѣтить Аѳинскую улицу, мнѣ показалось, что я перенеслась изъ опрятнаго цивилизованнаго Бостона, ну, хоть въ Пекинъ, положимъ. Мостовая исчезала подъ слоемъ густой и глубокой грязи; въ этомъ болотѣ вмѣстѣ съ кошками и собаками, среди поблеклыхъ капустныхъ листьевъ, обглоданныхъ починковъ кукурузы и старыхъ гнилыхъ костей валялись дѣти всѣхъ возрастовъ. Изъ оконъ и дверей, изъ отверзтій чердаковъ и подполій выглядывалъ народъ, большею частью женщины, молодыя и старыя, красивыя и безобразныя, разнаряженныя и полуодѣтыя, а иногда и вовсе почти не одѣтыя. Все это галдѣло на всѣ лады, пищало, хохотало и перекрикивалось изъ чердака въ

подполье, изъ всѣхъ этажей одного дома во всѣ этажи другого. Но изъ-за угла показалась вдругъ двуконная тяжело-нагруженная фура, шумъ и гамъ доходятъ до невыразимыхъ размѣровъ; фурманъ шагомъ, осторожно, лавируетъ между кишащими посреди дороги ребятами, матери которыхъ кто крикомъ выражаетъ свое безпокойство, кто стремительно бросается чуть не подъ лошадей, чтобы, выхвативъ изъ опасности ребенка, тутъ же, поднявъ ему рубашонку, звонко его отшлепать. Но фурманъ проѣхалъ, не задѣвъ никого, и слава Богу! Иногда случается иначе.

Это уличная, наружная картина; внутри домовъ не лучше: каждая изъ тѣсныхъ, грязныхъ квартиръ биткомъ набита людьми, кошками, тараканами, мухами, клопами, блохами и всякою нечистью, какая только можетъ завестись на людяхъ и вокругъ человѣка. Я практиковала среди этого люда въ августѣ и сентябрѣ 1875 года. Жара на улицѣ была достаточна сильна, чтобы, кажется, испечь живьемъ всякаго, кто бы не принялъ противъ нея предосторожностей; по квартирамъ бѣдняковъ Аѳинской улицы было еще хуже. Посреди каждой комнаты — а квартиры большею частью и были въ одну комнату, рѣдко съ чуланомъ — стоялъ желѣзный очагъ, на которомъ постоянно что-либо варилось: то обѣдъ, то вода для стирки, то какое-нибудь лекарственное снадобье. Къ этому прибавьте еще и невыносимую вонь, вслѣдствіе непозволительной неопрятности. Поголовная почти нищета ирландцевъ, какъ мнѣ тогда казалось и какъ теперь кажется, зависѣла не отъ одного только рабочаго кризиса. Тяготѣлъ онъ одинаково и на нихъ, и на американцахъ, и на нѣмцахъ, и на неграхъ; а между тѣмъ, какая разница и въ домашней обстановкѣ, и въ образѣ жизни, во всемъ, однимъ словомъ, у ирландцевъ и у остальныхъ трехъ расъ. У всѣхъ кромѣ ирландцевъ чисто, свѣжо, ни паразитовъ нѣтъ, ни вони. Въ негритянскомъ кварталѣ улицы не многимъ хуже, чѣмъ въ американскомъ центрѣ города. Квартиры тамъ такъ же малы и тѣсны какъ у ирландцевъ, но какое различіе въ обстановкѣ. Нигдѣ ни пылинки, есть даже попытки украшенія: растенія на окнахъ, картинки на стѣнахъ, хоть и грошовыя, на каминѣ цвѣты изъ воску или бумаги, подъ стеклянными колпаками въ защиту отъ пыли; далѣе раковины, фотографическіе портреты и т. п. У негровъ настоящая страсть снимать съ себя фотографіи. Я какъ-то подарила Томми долларъ, — первое употребленіе, сдѣланное имъ изъ него, было полдюжины карточекъ, изъ которыхъ онъ торжественно преподнесъ одну миссъ Митчель, а другую мнѣ; она у меня хранится до сихъ поръ и очень похожа на неправильно

расплывшееся по сѣрому фону чернильное пятно. Но вернемся къ негритянскимъ квартирамъ. Какъ бы рано вы ни пришли въ семью негровъ, вы въ домѣ найдете все убраннымъ, а хозяйку одѣтую не только чисто, но и щеголевато, въ туго накрахмаленномъ, непремѣнно свѣтломъ, ситцевомъ платьѣ и яркомъ желтомъ или красномъ «madras» — платкѣ на головѣ. Иныя, какъ Рэчель Кларкъ у насъ въ диспенсаріи, носятъ шиньоны, изъ чужихъ волосъ, такъ-какъ ихъ собственныя для этого слишкомъ коротки, хотя и достаточно густы — голова ихъ представляетъ въ этомъ случаѣ въ высшей степени странный видъ: дешевые шиньоны изъ китайскихъ волосъ — гладкіе, между тѣмъ спереди, надъ лбомъ негритянки самою природою взбиты наикурчавѣйшіе коки. Все хозяйство негровъ опрятно, посуда блеститъ чистотою. Дѣти, опрятно и прилично одѣтые, не валяются въ уличной грязи, а находятся либо при матеряхъ, либо, когда подростутъ, въ школѣ. Есть у негровъ одна горькая бѣда: дѣтей у нихъ умираетъ очень много, такъ много, пожалуй, какъ и у русскихъ крестьянъ. Всѣ негритянскія дѣти поголовно рахитичны и золотушны, не годится для дѣтей жаркаго юга суровый сравнительно климатъ ново-англійскаго сѣвера. Одна вещь поразила меня въ негритянскихъ дѣтяхъ: они родятся почти совсѣмъ бѣлыми и чернѣютъ только со временемъ. Мнѣ приходилось видѣть ихъ много и я ни одного случая не запомню, гдѣ бы это не было такъ.

Разница между характеромъ негровъ и ирландцевъ меня интересовала. Я невольно сравнивала ихъ и находила, что, несмотря на весьма непривлекательныя стороны европейцевъ, сравнительно съ африканцами, эти послѣдніе стоятъ все-таки ниже по развитію мозга. Сравнивая дѣтей, нужно было сознаться, что африканцы тупѣе европейцевъ, ученье имъ дается труднѣе и именно тамъ, гдѣ встрѣчается отвлеченное. Конкретное они схватываютъ быстро, память у нихъ не плохая. Все, что́ касается ремесла и художества, имъ очень нравится и хорошо удается. Ихъ вообще нельзя назвать неспособными. Педагоги, занимавшіеся по нѣскольку лѣтъ съ негритянскими дѣтьми, говорили мнѣ, что вовсе не считаютъ доказаннымъ, чтобы черная раса по интеллигенціи стояла ниже бѣлой, тѣмъ болѣе, что и судить объ этомъ основательно нельзя, такъ-какъ она слишкомъ недавно начала жить умственно. Мнѣ кажется, однако, что еслибы черныя расы ничѣмъ не уступали бѣлымъ, то и начали бы раньше жить самостоятельною жизнью ума, чего не случилось, какъ намъ извѣстно. Пользоваться подобнымъ аргументомъ для того, чтобы проповѣдывать законность рабства, было бы однако нелѣпо, тѣмъ болѣе, что

вовсе не доказано, чтобы негры не были способны къ дальнѣйшему развитію, послѣ того какъ первый толчокъ имъ будетъ данъ извнѣ, а въ особенности при смѣшеніи ихъ расы съ бѣлой. Да и допустивъ, что мозгъ негровъ менѣе совершенъ и даже не способенъ дальше развиваться, никто не имѣетъ нравственнаго права сдѣлать ихъ рабами, какъ не имѣетъ права надѣть цѣпи на тѣхъ людей нашей собственной расы, которые недоразвились до степени пресловутой интеллигентности.

Мнѣ скажутъ, что я воюю съ вѣтренными мельницами, высказывая здѣсь эти мысли, но дѣло въ томъ, что въ другихъ сферахъ подобная же аргументація, какъ та, которую я назвала нелѣпой, прилагается къ женщинѣ, какъ къ члену общества и къ рабочему сословію. Негръ, женщина, рабочій — одинаково стремятся къ полной свободѣ, къ свѣту науки, къ самостоятельной, обезпеченной собственнымъ трудомъ жизни. И негра, и женщину, и рабочаго встрѣчаютъ однѣ и тѣ же невзгоды въ различныхъ формахъ. Дирижирующіе племена, классы и полъ вмѣсто того, чтобы помочь болѣе слабому выбраться на свѣтъ Божій и просторъ, съ презрѣніемъ отталкиваютъ его, не гнушаясь въ то же время пользоваться его неустаннымъ трудомъ.

Давно ли даны неграмъ гражданскія права въ Соединенныхъ Штатахъ? Каково положеніе женщины или рабочаго въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ?

Учительницы-миссіонерки, устроивавшія школы для черныхъ дѣтей въ южныхъ штатахъ послѣ освобожденія негровъ, всѣ чрезвычайно тепло отзываются о своихъ ученикахъ, говоря, что они очень прилежны и понятливы и сильно привязываются къ своимъ преподавателямъ, которые въ состояніи все сдѣлать съ ними «добро́мъ». Теперь на югѣ есть уже коллегіи для преподаванія высшихъ наукъ неграмъ. Бо́льшая часть основана женщинами или по ихъ иниціативѣ. Увидимъ, что́ выйдетъ изъ этого.

Говоря, что я замѣтила извѣстную неспособность къ абстракціи въ неграхъ я, конечно, могу и ошибаться, я видала большею частью людей низшаго класса и очень немного дѣйствительно образованныхъ негровъ, поэтому мой опытъ малъ. Кромѣ того, мнѣ говорили, что трудно судить о неграхъ вообще по тѣмъ, которыхъ я вижу на сѣверѣ, такъ какъ лучшіе остались на югѣ. Тѣмъ не менѣе лично вынесенное мною общее впечатлѣніе было таково, какъ я сказала уже, т.-е. что негры по уму ниже бѣлыхъ; прибавлю, однако, что совсѣмъ глупыхъ людей мнѣ между ними почти не пришлось встрѣчать, и что они оста-

вили во мнѣ воспоминаніе гораздо болѣе пріятное, чѣмъ, напримѣръ, ирландцы. Имѣя дѣло съ неграми, я, конечно, не обращала вниманія на то, что кожа ихъ черная, и меня чрезвычайно удивляли американцы, даже между самыми развитыми, для которыхъ цвѣтъ лица человѣка составлялъ чуть ли не первый вопросъ при новомъ знакомствѣ. Не разъ приходилось мнѣ быть свидѣтельницей того, что люди, нисколько не обижавшіеся той теоріей, что въ числѣ ихъ предковъ могли быть гориллы или шимпанзе, гордились тѣмъ, что въ ихъ жилахъ нѣтъ ни капли африканской крови. Самымъ кровнымъ оскорбленіемъ для американца, не только южанина, но и сѣверянина, было бы предположеніе, что кто-либо изъ его предковъ могъ быть негромъ; и въ то же время многіе даже тщеславятся примѣсью индіанской крови.

Теперь негры по закону Соединенныхъ Штатовъ уравнены съ бѣлыми. Не то было въ шестидесятыхъ годахъ, даже послѣ освобожденія. Не только вотировать, даже ѣздить въ омнибусахъ имъ было строжайше запрещено.

Въ числѣ племенныхъ особенностей негровъ я замѣтила вообще преобладаніе аффектовъ надъ мыслью. Всѣмъ извѣстна веселость негровъ, ихъ переходы отъ веселья къ глубокой печали, выражающейся гораздо шумнѣе, чѣмъ у бѣлыхъ, но, судя по быстротѣ перехода отъ печали въ другія состоянія духа, гораздо менѣе интенсивной.

Но возвратимся опять къ сравненію образа жизни различныхъ народностей, нашедшихъ пріютъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Что касается нѣмцевъ, то жилища ихъ далеко не такъ чисты и щеголеваты, какъ у негровъ, и въ нихъ не выводятся паразиты, — что̀ рѣдко встрѣтится у собственныхъ американцевъ, ведущихъ свое хозяйство очень опрятно и научившихъ негровъ тому же. Я здѣсь вездѣ говорю о городскомъ рабочемъ населеніи, и прибавлю еще, что хотя въ общемъ условія, въ которыя поставленъ трудъ, и одинаковы, но, въ частности, разныя національности сто̀ятъ весьма различно. Такъ, американцы — дома у себя и положеніе ихъ иное, работодатели предпочитаютъ ихъ; то же самое почти можно сказать о неграхъ. Нѣмцы держатся другъ за друга и не скупятся для соотечественниковъ ни на какую помощь. Они также усидчивы и трудолюбивы, какъ американцы, и хотя вдоволь наливаются пивомъ, но гораздо менѣе пьянствуютъ нежели ирландцы. Замѣчательно также, что нѣмцы и во второмъ и въ третьемъ поколѣніи остаются все-таки нѣмцами, хотя очень много перенимаютъ отъ американцевъ. Что касается ирландцевъ, то въ третьемъ поколѣніи

всегда, а иногда уже и во второмъ, «Pat» [1]) становится типичнымъ «american citizen». Происходитъ это, по всей вѣроятности, отъ живости и податливости ихъ нрава, не выдерживающаго борьбы съ окружающей ихъ болѣе сильной массой, притягивающей и всасывающей ихъ. Не могу я не отдать справедливости ирландцамъ по отношенію къ нѣкоторымъ, въ высшей степени привлекательнымъ сторонамъ ихъ характера. Такъ они все готовы отдать, всѣмъ помочь ближнему въ нуждѣ, особенно въ данную минуту и подъ вліяніемъ легко возбуждаемаго въ нихъ сожалѣнія и сочувствія. Обдуманною филантропіею они, конечно, не занимаются и рѣдко заботятся съ постоянствомъ о благоденствіи даже собственной семьи. Вступиться за обиженнаго—это тоже ихъ дѣло. Веселость и добродушіе ихъ даже трогательны. При первыхъ моихъ столкновеніяхъ съ ними я было-составила о нихъ понятіе, какъ о людяхъ лживыхъ и вообще фальшивыхъ; впослѣдствіи я убѣдилась, что они такъ же искренно говорятъ вамъ за оказанную имъ услугу: «God bless you!» (да благословитъ васъ Богъ!) въ глаза, какъ искренно проклинаютъ васъ черезъ минуту, вспомнивъ выговоръ вашъ за какое-либо непозволительное легкомысліе въ уходѣ, напримѣръ, за больными дѣтьми.

Пѣсни ихъ мелодичны и полны хватающей за сердце грусти. Женщины въ высшей степени цѣломудренны, несмотря на то, что все въ ихъ обстановкѣ, казалось бы, способствовало упадку нравовъ. За то, какъ и мужчины, лѣнивы онѣ безпримѣрно: домá ихъ не убираются, одѣты онѣ грязно, хотя съ попытками щеголеватости; волоса ихъ до вечера въ папильоткахъ, а къ семи часамъ распускаются въ видѣ кудрей, вовсе не гармонирующихъ съ неопрятною одеждою. Пьянствуютъ мужчины и старухи; молодая женщина считалась бы развратницею, еслибы пила. Дѣти въ школу ходятъ очень рѣдко, несмотря на то, что школы безплатныя; почти всѣ ирландцы безграмотны, за то всѣ чрезвычайно религіозны и съ полнымъ дѣтскимъ довѣріемъ относятся къ своимъ духовнымъ пастырямъ—іезуитамъ и вообще католическому духовенству. Я уже говорила, что это послѣднее владѣетъ въ Америкѣ, какъ южной такъ и сѣверной, богатыми помѣстьями, большими домами и имѣетъ множество школъ, преимущественно такъ-называемыя академіи и институты для богатыхъ воспитанниковъ обоего пола. Для бѣдняковъ тоже есть школы и пріюты филантропическаго характера.

Мнѣ иногда приходилось встрѣчаться у постели больныхъ

[1]) Прозвище ирландцевъ.

съ католическими патерами или ихъ вліяніемъ; не могу сказать, чтобы это оставило мнѣ пріятныя воспоминанія.

Разъ меня позвали къ молодой больной ирландкѣ; она, повидимому, не была въ особенно бѣдственномъ положеніи; семья состояла только изъ нея и ея мужа. Квартира ихъ была не малá, въ ней находилась мѣстами довольно цѣнная мебель, но все было попачкано, поломано, разбросано. Пока я осматривала больную при первомъ моемъ посѣщеніи, въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находился ея мужъ, съ такими же какъ и онъ самъ растрепанными друзьями, хлопали пробки отъ пива. У больной была диссентерія и въ такой сильной степени, что можно было опасаться смертельнаго исхода болѣзни. Я сдѣлала для нея все, чтó могла сдѣлать лично, и объяснила, чтó нужно дѣлать безъ меня. Не видя никакого облегченія, дня черезъ два я очень строго заговорила съ ходившею за нею женщиною и этимъ добилась признанія, что ни одно изъ моихъ предписаній не исполняется, потому что духовникъ не приказалъ, не вѣря въ знанія женщины, да еще и еретички. Мнѣ ничего не оставалось послѣ этого, какъ отказаться отъ дальнѣйшаго посѣщенія больной. Уходя, я взяла съ нея слово немедленно обратиться къ другому врачу. Сдержала ли она его—не знаю; но черезъ мѣсяцъ приблизительно она явилась опять въ диспенсарій, и мы около полугода еще лечили ее отъ слабости и малокровія.

Другой случай обошелся не такъ благополучно. Это было въ Аѳинской улицѣ. Нужно сказать, что разъ попавъ туда, почти невозможно было вырваться назадъ. Только-что бывало выйдешь изъ одного дома, сейчасъ тутъ же на улицѣ зазываютъ въ другой. Меня, такимъ образомъ, разъ привели къ больному ребенку. И въ этомъ случаѣ семья была, повидимому, зажиточнѣе обыкновеннаго: квартира состояла изъ двухъ довольно большихъ комнатъ и кухни; правда, посреди первой комнаты стояла только люлька ребенка да въ углу старый коммодъ, зато въ другой была чистая кровать, столъ и нѣсколько стульевъ. Былъ даже довольно чистый воздухъ и достаточно свѣта. Когда я пришла, то застала плачущую надъ колыбелью мать, а вокругъ съ полдюжины старыхъ ворожей сосѣдокъ, шумѣвшихъ немилосердно о томъ, чтó нужно и чего не нужно дѣлать; въ колыбели на чистой бѣлой подушкѣ лежалъ полный, хорошо развитой мальчикъ съ виду лѣтъ полутора. Онъ спалъ, хотя по синеватой блѣдности его лица, шеи и рукъ его можно было принять за мертвеца. На ощупь тѣло его было холодно, пульсъ едва слышенъ. Старухи чуть не оглушили различными мнѣніями и совѣтами, но я

безъ церемоніи попросила ихъ удалиться, грозя, что иначе сама уйду. Тогда я попросила мать разсказать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что ребенокъ страдалъ сильнымъ поносомъ. Вообще въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ въ большихъ промышленныхъ центрахъ сѣверной Америки свирѣпствуетъ «cholera infantum» — дѣтская холера, уносящая въ могилу безчисленное количество жертвъ; народъ называетъ ее «summer complaint» — лѣтнею болѣзнью. Ея происхожденіе приписываютъ высокой температурѣ въ атмосферѣ, испорченной «городскими» условіями. Въ Нью-Іоркѣ и Филадельфіи ея появленіе совпадаетъ съ поднятіемъ ртути въ термометрѣ выше 90° Фаренгейта [1]). Въ самую жаркую недѣлю іюля 1866, особенно жаркаго года, смертность дошла въ Нью-Іоркѣ до 1,200 чел. и 700 въ Филадельфіи, — болѣе нежели умирало въ недѣлю отъ азіатской холеры позднѣе въ этихъ городахъ и вдвое болѣе противъ обыкновенной цифры. Это до того напугало врачей, что было сдѣлано предложеніе, чтобы города всякими средствами споспѣшествовали устройству такъ-называемыхъ «summer camps» или лѣтнихъ лагерей, куда бы дѣти бѣдняковъ могли удаляться за городъ во время самыхъ жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Къ сожалѣнію это предложеніе такъ пока еще и осталось безъ исполненія. Для меня было ясно, что у ребенка дѣтская холера; я стала разспрашивать о проявленіяхъ болѣзни и о томъ, кто лечилъ. Оказалось, что теперь поносъ прошелъ, благодаря средствамъ какого-то доктора, но что ребенокъ ничего не ѣстъ, все спитъ и все блѣднѣетъ и холодѣетъ. Показали мнѣ и лекарство: это была смѣсь опія, хлороформа и лавровишневыхъ капель еще съ чѣмъ-то, не помню. Лекарство я выбросила и, какъ можно скорѣе, заставила мать наварить «beef-tea», т.-е. крѣпкаго бульона съ мясною пѣною. Съ трудомъ разбудили мы ребенка и начали вливать ему ложку за ложкой вкуснаго и укрѣпляющаго питья. Кромѣ того, ему было дано нѣсколько капель уиски съ водою и весь онъ обложенъ теплыми салфетками. Когда я уходила домой часа черезъ полтора, мальчикъ сознательно смотрѣлъ вокругъ себя и пытался даже улыбнуться. Рано утромъ, на другой день я опять была у больного мальчика. Я нашла его еще въ лучшемъ состояніи; конечно, щечки его еще не разцвѣли, но восковая блѣдность оживилась, губы какъ будто поалѣли. Я сама напоила его бульономъ. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я на третье утро нашла ребенка въ томъ же почти состояніи, какъ въ первое по-

---

[1]) Фаренгейтъ относится къ Цельзію и Реомюру какъ 9 : 5 : 4.

сѣщеніе, съ тою разницею, что онъ не спалъ, а потихоньку стоналъ. Я спросила мать, чѣмъ она его кормила.

— Ничѣмъ,—сухо отвѣтила она.

— Какъ! Со вчерашняго дня ребенокъ ничего не ѣлъ?

— Да, ничего! Я не хочу больше грѣшить! я и то слишкомъ долго противилась Божьей волѣ. Онъ не хочетъ, чтобы мои дѣти жили: это третій у меня помираетъ. Мнѣ священникъ все объяснилъ, я не хочу насильно поддерживать жизнь малютки!

— Ахъ вы безумная!...—Не долго думая, я сбѣгала за мясомъ, сама сварила бульонъ и торопливо принялась поить ребенка—онъ жадно пилъ... Вдругъ мать выхватила у меня чашку и ударила ее объ полъ...

— Я не хочу, не хочу!—кричала она:—довольно безъ этого грѣха было!

Ребенокъ, оживъ немного, громко плакалъ, требуя пищи. Что мнѣ было дѣлать? Горькія слезы текли по моему лицу, пока я въ мало знакомомъ мнѣ кварталѣ розыскивала полицейскій постъ. Найдя его, я разсказала коммиссару о случившемся и просила его, по возможности тотчасъ же, послать по прилагаемому адресу полицейскаго врача. Коммиссаръ пожималъ плечами:—мы доктора пошлемъ, отвѣчалъ онъ, да врядъ ли изъ этого что-нибудь выйдетъ!

— Поймите вы,—твердила я:—ребенокъ умираетъ ничѣмъ инымъ какъ голодною смертью!

— Мы все сдѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ!—успокоивалъ меня чиновникъ.

Впослѣдствіи я узнала, что ребенокъ жилъ еще три дня, пока наконецъ умеръ. Былъ ли у него полицейскій врачъ, я такъ и не узнала.

Повторяю еще, что ирландцы оставили во мнѣ чрезвычайно тяжелыя воспоминанія. Они до того измучили меня своимъ легкомысліемъ, невоздержностью, невѣжествомъ и суевѣріемъ, что я долго не могла безъ содроганія слышать ирландскаго акцента. Теперь я отношусь къ нимъ безпристрастнѣе и могу отдать справедливость многимъ прекраснымъ чертамъ ихъ національнаго характера, именно: жизненной энергіи, теплотѣ душевной и глубоко человѣчнымъ инстинктамъ. Недавно я прочла въ газетахъ, что американскіе ирландцы съумѣли собрать нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ отъ нуждъ своихъ, чтобы послать ихъ въ ирландскую «Land league». Сколькихъ лишеній стоили эти деньги, мо-

жетъ понять только тотъ, кто во-очію видѣлъ, какъ живется ирландцу рабочему въ Америкѣ.

Не мало видѣла я вообще во время своихъ скитаній по всевозможнымъ лачугамъ, подваламъ и чердакамъ Бостона и Филадельфіи. Была тутъ нищета и открытая, нестыдящаяся, была и такая, которая старалась прикрыться, чтобы не били въ глаза слишкомъ явныя прорѣхи и щели. Еще кое-какъ можно было помочь тамъ, гдѣ бѣдность зависѣла только отъ недостатка работы. Но что было дѣлать, когда порокъ присоединялся къ ней и увеличивалъ ее, въ особенности пьянство: пивомъ, водкой, эѳиромъ, опіумомъ... Никогда не забуду я одного случая. Однажды мнѣ принесли записку съ просьбою навѣстить больную; адресъ былъ приложенъ: Мистрисъ Уильямсъ—тамъ-то. Записку принесъ маленькій старичокъ, приходившій иногда въ диспенсарій за порціями молока и бульона.

Я отправилась въ означенную улицу, въ мало-извѣстномъ мнѣ далекомъ кварталѣ. Я долго путалась въ различныхъ закоулкахъ, отыскивая и улицу, и домъ; наконецъ прохожіе указали мнѣ покосившійся отъ дряхлости не то каретный, не то дровяной сарай, подъ кровлею котораго было подстроено что-то въ родѣ второго этажа. Я едва нашла лѣстницу; на ней было темно какъ въ погребѣ; на улицѣ смеркалось. Я рисковала сломать шею, спотыкаясь на скользкихъ дрожащихъ ступеняхъ, пока, наконецъ, стала громко звать: Мистрисъ Уильямсъ, отзовитесь, гдѣ вы?—Здѣсь, здѣсь!—отвѣчалъ старческій дребезжащій голосъ. Лучъ свѣта блеснулъ на верху лѣстницы и освѣтилъ знакомаго старичка; я поднялась еще на нѣсколько ступеней и передо мною, скрипя, распахнулась пріотворенная раньше дверь. Я стояла на порогѣ жилища такой нищеты, меня обдавалъ такой смрадъ, какихъ нѣтъ возможности описать. Въ комнатѣ было довольно много мебели, но все было поломано, погнуто, закопчено. Во всѣхъ углахъ, грязными ворохами были набросаны какія-то тряпки, страшно рваное затертое бѣлье, старая обувь... и все это черное и замаранное. Кое-гдѣ на столѣ, стульяхъ и полу стояла разная посуда: миски и плошки съ обглоданными костями, черствыми корками хлѣба и застывшей похлебкой. На кучѣ тряпья и мусору, между шкапомъ и кроватью, что-то ворочалось и стонало; я ничего не могла разглядѣть сразу, такъ-какъ вся эта картина едва освѣщалась оплывавшею сальною свѣчкою, которую старался защитить рукою отъ вѣтра, дувшаго во всѣ щели оконъ и даже стѣнъ, маленькій старичокъ, оказавшійся мистеромъ Уильямсомъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что жена его

больна и подвелъ меня къ кучѣ лохмотьевъ, на которыхъ она лежала.

— Я не дамся ей смотрѣть!—вдругъ заговорила она слабымъ и хриплымъ голосомъ:—что ей тутъ нужно, я знать ее не хочу!

Старичокъ грустнымъ, дрожащимъ и нѣжнымъ голосомъ сталъ уговаривать жену. Онъ доказывалъ ей, что она очень больна, что ей нужна помощь. Ему удалось-таки уговорить ее. Я никогда не видѣла ничего запущеннѣе этой несчастной старухи. Она была такъ слаба, что, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ разсыплется прахомъ отъ дряхлости; она вся тряслась. У нея было полное разстройство всѣхъ функцій организма. Прежде всего нужно было остановить сильнѣйшее разстройство желудка. Я прописала опіумъ. Старикъ, слѣдившій за тѣмъ, что я пишу, молча и отрицательно покачалъ головой. Я-было спросила его, что это значитъ, но онъ вдругъ отчаянно замахалъ руками шепча: «послѣ, послѣ!»

Я обѣщала дать ему другое лѣкарство, если онъ теперь же пойдетъ со мною въ диспенсарій. Онъ такъ и сдѣлалъ, и провожая меня, дорогою со слезами сообщилъ мнѣ, какъ постыдную тайну, что жена его—«opium drinker», т.-е. что она пьянствуетъ опіумомъ. Когда ею овладѣла эта страсть, все пропало: хозяйство пошло въ разбродъ, дѣти покинули семью, настала нищета. Онъ самъ былъ слишкомъ слабъ и старъ, чтобы поддерживать безбѣдно своею работою себя и жену, которая вдобавокъ все пропивала, что можно было продать или заложить. Онъ такъ любилъ ее, они были прежде такъ счастливы! Повидимому, они не принадлежали къ рабочему классу. Несмотря на лохмотья, старикъ смотрѣлъ порядочнымъ человѣкомъ; онъ говорилъ правильнымъ чистымъ языкомъ. Я дала ему лекарства и посовѣтовала ежедневно приходить къ намъ за даровымъ молокомъ и бульономъ. Что съ этими бѣднягами сталось впослѣдствіи, я не знаю, такъ-какъ меня вскорѣ вернули въ больницу.

Нищета и невѣжество, рядомъ съ сказочною роскошью, вотъ съ чѣмъ приходилось ежедневно и ежечасно сталкиваться. Не разъ вспомнились мнѣ женщины, продававшія гнилые апельсины на Нью-Іоркской пристани и пророческое отчаяніе юнгферъ Люти при видѣ ихъ...

Не могу сказать, чтобы миссъ Митчель также тяжело поражалась подобными жизненными явленіями. Меня миссъ Митчель не долюбливала: я иногда отказывалась отъ чистки полокъ и склянокъ, когда у меня были на рукахъ трудные больные, требовавшіе каждый двухъ-трехъ посѣщеній въ день. Миссъ Митчель разъ даже нажаловалась на меня миссъ Коль, распоряжавшейся

въ то время въ больницѣ. Миссъ Коль, къ моему изумленію, поняла, что моими поступками руководитъ никакъ не лѣнь къ физическому труду и не одно желаніе «изучать интересный матеріалъ», какъ говорила миссъ Элиза. Она поручила Сэрѣ чистку и уборку, а мнѣ шепнула, чтобы я не обращала вниманія на «странности» Элизы Митчель. За то Рэчель и Томми съ гораздо бо̀льшимъ уваженіемъ относились къ послѣдней, нежели ко мнѣ. «Она даже этихъ невыносимыхъ ирландокъ не умѣетъ осадить!» говорила однажды про меня Рэчель, не зная, что я въ сосѣдней комнатѣ.

Въ диспенсаріи я провела около шести недѣль, пока до того не утомилась, что, какъ я уже упоминала, меня не вернули назадъ въ госпиталь, пославъ на мое мѣсто миссъ Фризель.

V.—Опять въ госпиталѣ.

Вернувшись въ госпиталь, мнѣ пришлось отдыхать за дѣломъ же. Д-ръ Феррисъ необыкновенно любезно встрѣтила меня и намекнула мнѣ въ разговорѣ, что она была виновата предо мною, подозрѣвавши меня въ желаніи повредить ей у Закревской. Я была, конечно, чрезвычайно довольна прекращеніемъ этого безсмысленнаго недоразумѣнія.

Меня на время помѣстили опять на женское отдѣленіе, для посвященія въ практическія тайны акушерскаго дѣла новой студентки, миссъ Гринъ, замѣнившей миссъ Эланвудъ. Вскорѣ миссъ Дуэль замѣнила Алису Беннетъ, а на мѣсто миссъ Фризель ожидали русскую даму изъ Анн'арборской коллегіи. Меня очень интересовала эта особа, какъ соотечественница на чужбинѣ. Фамиліи ея я не могла разобрать, такъ-какъ американцы произносятъ очень своеобразно всякія иностранныя имена, а писаннаго имени этой барыни никто изъ насъ не видѣлъ. Мы тутъ прозвали ее за глаза миссъ N. N.,—пусть она здѣсь такъ и останется N. N. Все что мнѣ о ней могли сообщить было, что она повидимому богатая женщина лѣтъ подъ сорокъ.

Я теперь считалась старшею студенткою госпиталя. Мнѣ порученъ былъ надзоръ за всѣмъ женскимъ отдѣленіемъ, гдѣ подъ моимъ началомъ оказалась и моя соотечественница изъ Баваріи, миссъ Мошке, и новая молоденькая сидѣлка, миссъ Дэви, хорошо образованная и очень привлекательная дѣвушка, надѣявшаяся сама года черезъ два поступить въ которую-нибудь изъ женскихъ медицинскихъ коллегій. Теперь жизнь моя сложилась вовсе не дурно:—сидѣлки мои были добросовѣстны, дѣльны и не сварливы,

а миссъ Гринъ оказалась милѣйшимъ товарищемъ. Она была особа уже не молодая, лѣтъ тридцати слишкомъ, очень недюжинно образованная, веселая и остроумная. Она училась въ Нью-Іоркской коллегіи. Я, однако, съ нетерпѣніемъ ждала соотечественницы. Въ одинъ прекрасный день она пріѣхала, но вмѣсто сороналѣтней особы я увидѣла, къ удивленію, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, очень красивую собою, хотя по росту и полнотѣ напоминавшую молодого слона. Мы тотчасъ познакомились. Ее помѣстили въ женскую половину подъ начало миссъ Дринъ, а меня перевели на хирургическое отдѣленіе. Но, увы, пріѣздъ N. N. нарушилъ благоденствіе нашей обители. Живость и непокорство ея вскорѣ поставили ее въ какое-то полувраждебное отношеніе ко всему населенію госпиталя. Она еще очень мало училась, мало знала, хотя имѣла хорошія способности; но у нея не хватало терпѣнія ни на что и въ особенности на исполненіе скучныхъ, практическихъ госпитальныхъ мелочей. Будь у нея выдержка, она была бы гораздо выше всѣхъ тѣхъ, кто теперь считалъ себя въ правѣ осуждать ее; тѣмъ не менѣе она сама была виновата во всѣхъ непріятностяхъ, которыя ей пришлось перенести.

Дня черезъ два по пріѣздѣ N. N., докторъ Феррисъ уѣхала и ее замѣнила мистриссъ Келлеръ. Мы всѣ сразу полюбили ее. Она была высокая, худощавая женщина лѣтъ тридцати-пяти, съ курчавыми короткими черными волосами, съ черными умными глазами, очень блѣдная и смуглая и, повидимому, слабаго здоровья, что̀ не мѣшало ей безъ устали работать. Миссъ Гринъ относилась къ ней съ какимъ-то страстнымъ обожаніемъ. Вообще я должна сказать, что отношенія студентокъ другъ къ другу и къ старшимъ докторшамъ ужасно напоминали мнѣ блаженной памяти институтскіе пріемы: обожанья, страстныя дружбы, вражды и поклоненія. У всякой былъ какой-нибудь земной богъ и было козлище отпущенія. На этотъ разъ козлищемъ и, къ несчастью, у всѣхъ почти, оказалась бѣдная N. N. Ей, пожалуй, простили бы и недостатокъ знаній, и частую лѣнь, и нетерпѣніе, но не могли простить ей насмѣшекъ именно надъ тѣми сторонами отношеній студентокъ другъ къ другу и докторшамъ, о которыхъ я только-что упоминала. Она такъ забавно представляла ихъ, что заставляла меня хохотать до слезъ. Миссъ Гринъ положительно возненавидѣла ее и съ своей стороны съ злой ироніей нападала на ея лѣнь, здоровенный аппетитъ, распущенность и несовсѣмъ скрупулезную опрятность въ одеждѣ и привычкахъ. Но не подумайте, что N. N. была «нигилисткой»; она была очень богатая дѣвушка, себѣ на умѣ, далеко не согласная съ теоріями, пред-

лагающими общность имуществъ, служеніе интересамъ человѣчества и забвеніе о собственной личности и ея удобствахъ. Докторъ Келлеръ долго старалась привязать ее къ себѣ, но это ей не удалось, и кажется, что послѣ, отчасти по ея иниціативѣ N. N. была принуждена оставить госпиталь; теперь она, вѣроятно, окончила курсъ и гдѣ-нибудь практикуетъ. Я лично не имѣла съ нею никакихъ непріязненныхъ столкновеній, но и дружбы между нами не установилось. Что касается мистриссъ Келлеръ, то она стоила того хорошаго чувства, которое мы всѣ питали къ ней. Она знала свое дѣло хорошо, много читала и была очень трудолюбивая, энергичная женщина. Она была замужемъ, но не имѣла дѣтей и жила врозь съ мужемъ, хотя постоянно переписывалась съ нимъ и всегда очень тепло отзывалась о немъ. Я говорила о томъ, что она прежде завѣдывала основаннымъ ею же на собственныя средства небольшимъ госпиталемъ въ Филадельфіи. При помощи различныхъ даяній и покровительства богатыхъ людей госпиталь этотъ, «Mission's Hospital», теперь процвѣтаетъ.

Итакъ, мы, студентки, полюбили доктора Келлеръ; нельзя того же сказать о старшихъ докторшахъ и директорахъ; — они не выказывали къ ней особенной симпатіи, да и она къ совѣту директоровъ отнеслась какъ-то оффиціально, что обнаружилось прямо при одномъ небольшомъ столкновеніи. Дѣло въ томъ, что «Board of Directors», пишущій узаконенія для внутренней жизни госпиталя, состоитъ не столько изъ врачей, сколько изъ богатыхъ филантроповъ и филантропокъ, преимущественно изъ этихъ послѣднихъ; а онѣ, хотя и весьма благонамѣренныя во всѣхъ отношеніяхъ женщины, не всегда понимаютъ чего слѣдуетъ и возможно требовать отъ женщинъ, изучающихъ медицину и готовящихся къ научной, а не одной только практической дѣятельности сидѣлокъ или акушерокъ. Кромѣ того, директора и по характеру, и по духу—американцы-янки, т.-е. люди мало цѣнящіе то, что̀ не даетъ тотчасъ же осязательныхъ, практическихъ результатовъ. Имъ не понятно, что студенту нужно время, чтобы читать, и еще больше времени для наблюденія за больными; они требуютъ, чтобы всякая минута учащагося была занята такимъ дѣломъ, результаты котораго могли бы быть разложены на ихъ директорскихъ конторкахъ или показаны имъ во-очію во время ихъ митинговъ и посѣщеній. У насъ не было времени ни прочесть, ни придумать, ни изучить чего-либо толкомъ. Отъ насъ требовали кипъ бумаги, исписанной «кривыми» пульса, дыханія и температуры всѣхъ рѣшительно больныхъ; это брало страшно много времени и было совершенно лишнимъ для насъ

дѣломъ, такъ-какъ могло быть столь же удовлетворительно исполнено сидѣлками. Такъ дѣлается это сидѣлками въ швейцарскихъ госпиталяхъ, гдѣ онѣ дежурятъ денно и нощно и еще ходятъ помогать на кухню и въ прачешную, не говоря уже о томъ, что на ихъ обязанности лежитъ уборка палатъ и корридоровъ и мытье посуды для больныхъ. Кромѣ этого, онѣ чинятъ постельное бѣлье на свою палату и на одну палату мужской половины. Замѣчу тутъ, что на мужской половинѣ ходятъ за больнымъ мужчины, получающіе на цѣлую треть больше жалованья, нежели сидѣлки женщины, и избавленные отъ хожденія въ кухню и прачешную и отъ чинки бѣлья. Въ ново-англійскомъ госпиталѣ сидѣлки ничего не дѣлали кромѣ ухода за больными; далѣе, тутъ была смѣнная ночная сидѣлка, и каждая изъ дневныхъ имѣла на рукахъ не двѣнадцать больныхъ, какъ въ кантональномъ цюрихскомъ госпиталѣ, а всего шесть или четыре. Въ швейцарскихъ госпиталяхъ сидѣлки обязаны дѣлать даже простѣйшія химическія пробы выдѣленій больныхъ,—въ ново-англійскомъ госпиталѣ это дѣлали мы, студентки. Положимъ, что въ трудныхъ случаяхъ, гдѣ нужна особенная точность наблюденія, и сами учащіяся не уступили бы никому надзора за всѣми проявленіями болѣзни,—въ легкихъ же случаяхъ или въ хроническихъ, давно изученныхъ формахъ, всѣ эти записыванія, отмѣтки и пробы были одною только невознаградимою потерею времени. Но и это еще куда ни шло, изучать болѣзни мы были согласны; но намъ, напр. предъявлялись и такія требованія: чтобы мы учили вновь поступающихъ сидѣлокъ, какъ подавать кушанье больнымъ, т.-е. какъ принято въ больницѣ разставлять посуду на столахъ и подносахъ. Мирная миссъ Дуэль и та возмутилась—ей первой былъ данъ подобный приказъ—и объявила доктору Феррисъ, что для такихъ вещей есть въ госпиталѣ экономка и ея помощница, гораздо менѣе занятыя нежели мы. Это столкновеніе было первою искрою загорѣвшагося пожара. Недовольство наше еще болѣе возрасло, когда вышло узаконеніе, по которому студенткамъ было вмѣнено въ обязанность замѣнять сидѣлокъ въ часы ихъ завтрака, обѣда и ужина. Дѣло въ томъ, что это время обыкновенно употреблялось нами на записываніе нашихъ наблюденій надъ больными; отнимая его у насъ, насъ принуждали сидѣть вечеромъ за работой часовъ до 11 или 12-ти ночи, а такъ-какъ мы очень уставали за день и утромъ были на ногахъ уже въ шесть часовъ, то мы всѣ возмутились. Новое правило было введено для того, чтобы дать возможность кухаркѣ поскорѣе управиться и не хлопотать объ отдѣльномъ обѣдѣ для си-

дѣлки, замѣнявшей до сихъ поръ своихъ товарокъ. Мы доказывали, что такъ-какъ у кухарки вообще менѣе трудное дѣло, нежели у насъ, и такъ-какъ ночи она спитъ покойно, а у насъ рѣдко пройдетъ хоть одна, гдѣ бы насъ не позвали къ больнымъ, то распоряженіе директоровъ несправедливо и мы противъ него сообща протестуемъ. Далѣе мы настаивали на томъ, что каждая изъ насъ поступила въ госпиталь для изученія медицины, а не для чего другого. Д-ръ Феррисъ чуть не плакала въ продолженіе этой исторіи и только молила небеса, чтобы ее поскорѣе унесло изъ госпиталя. Насъ она упрашивала смириться, говоря, что директора считаютъ ее виноватою во всякомъ нашемъ неправящемся имъ поступкѣ. Какъ разъ въ это смутное время поступила къ намъ докторъ Келлеръ. Первымъ ея дѣломъ было отмѣнить распоряженіе попечителей,—ей удалось уговорить ихъ черезъ посредство Закревской, которая хотя-нехотя на это согласилась, несмотря на то, что и она тоже не совсѣмъ хорошо понимала, къ чему студенткамъ нужно столько времени на чтеніе, обдумываніе и записываніе разныхъ вещей... обходится же она сама безъ этого. Ни она, ни директора не простили мистриссъ Келлеръ ея заступничества за насъ, — ее выжили изъ госпиталя до окончанія даже тѣхъ трехъ лѣтъ, на которые она туда поступила.

Все это дѣло происходило незадолго до моего отъѣзда въ Филадельфію, гдѣ я, какъ уже сказано, собиралась посѣщать зимній курсъ лекцій въ «Women's medical College», а весною держать экзаменъ на доктора. Въ Филадельфіи я должна была снова встрѣтиться и съ Алисою Беннетъ, и съ мистриссъ Феррисъ. Наконецъ, день отъѣзда наступилъ. Я чуть не со слезами простилась съ Закревской, Гейнценами и со всѣми жителями госпиталя, — всѣ эти люди были очень добры ко мнѣ. Докторъ Келлеръ, прощаясь, дала мнѣ рекомендательное письмо къ миссъ Эмили Франсесъ Уайтъ, демонстратору анатоміи въ филадельфійской коллегіи и ея товарищу по курсамъ и другу. Я съѣздила и въ диспенсарій, побывала у старшихъ докторшъ и отъ всѣхъ получала самыя ласковыя пожеланія счастья. Распростившись съ Бостономъ, я уѣхала, вовсе не думая, что мнѣ еще придется вернуться въ него и прожить въ немъ довольно долго.

А. Л.